

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ
ВОИН

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Служу
Отечеству!

Спецназ. Воин России

Александр Тамоников

На линии огня

«ЭКСМО»

2010

Тамоников А. А.

На линии огня / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2010 — (Спецназ. Воин России)

ISBN 978-5-699-43219-6

Офицер Александр Черников сумел выжить в жутких боях в Афганистане, сражаясь с бандами моджахедов и теряя друзей. Позже, став подполковником спецназа ГРУ, он успешно сражался на Кавказе. Судьба берегла его, выводила живым и невредимым из самых крутых жизненных передрыг. Но самое тяжелое испытание поджидало Черникова в конце его армейского пути. Он уже готовился выйти в отставку, когда получил задание уничтожить банду террориста Гасана...

ISBN 978-5-699-43219-6

© Тамоников А. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Тамоников

На линии огня

Замечательной женщине Комаровой Клавдии Филипповне посвящаю

Все, изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Южный Афганистан, 1983 год

Глава первая

Командир роты материального обеспечения старший лейтенант Александр Черников вот уже почти час пытался уснуть в своем отсеке офицерского модуля, но не мог – из-за того, что работавший до сих пор без каких-либо проблем кондиционер БК-1500 ни с того ни с сего вдруг задрезжал всеми своими внутренностями. Поняв, что уснуть не удастся, старший лейтенант присел на край кровати, взял со стола пачку «Ростова», щелчком выбил из нее сигарету, закурил. Взглянув на дребезжавший кондиционер, проговорил:

– И какого хрена?

Сбросил пепел в пепельницу из панциря черепахи. – Черт бы побрал эту технику. И ведь охлаждает, но с чего затарахтел? Толку теперь от охлаждения, когда хрен уснешь под эту музыку?

Дверь открылась. В отсек вошел командир первого взвода роты, прапорщик Зайцев, ровесник Черникова. Им обоим в мае исполнилось по 25 лет.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

– Ты уже вошел, – буркнул Черников.

– Вошел, – согласился прапорщик. – И что увидел? Вернее увидел и услышал? То, что командир сидит и разговаривает сам с собой. Это ненормально. Скажу больше...

Командир роты перебил взводного:

– А ты, Илья, кроме моих разговоров с самим собой, больше ничего не слышишь?

– Нет. Хотя... кондер дребезжит.

– Вот!

– Так ты чего, с кондером разговаривал?

Черников осуждающе посмотрел на подчиненного:

– Думай, прежде чем говорить.

– А, понял! Ну так бы и объяснил. А кондер ерунда, у нас часто барахлит, сейчас исправим это дело. У тебя отвертка есть?

– Отвертка? – переспросил старший лейтенант. – Понятия не имею. Впрочем, глянь в тумбочке, может и завалился какой инструмент от Толстого.

– Да, не повезло Кольке, два года здесь отпахал, сколько раз на войну ходил, ни одной царапины, а перед заменой желтуху подхватил. Ладно бы если в первый раз, а то ведь во второй. Конец печени. Теперь комиссуют по инвалидности. Обидно. А ведь я ему говорил: «Хоть по сто граммов, но спиртику каждый день принимать надо. Тогда ни одна зараза не возьмет». А он же, принципиальный, ни капли в рот не берет, завязал. Вот и дозавязывался.

– Любишь ты пустословить, Илья. Делом займись, коли сам напросился. Или через сутки и меня в госпиталь отправят, в отделение для душевнобольных. От этой какофонии легко с ума сойти можно. Хотя здесь можно свихнуться и без нее.

– Ты прав.

Прапорщик открыл ящик прикроватной тумбочки и воскликнул:

– О, «ТТ»! Где взял, если не секрет?

– Ребята-пехотинцы подарили.

– Хорошая вещь. Только что ты с ним делать будешь? Скоро замена, в Союз ствол не возьмешь...

– Тебе подарю.

– Ловлю на слове! Мне еще год в Афгане париться, пригодится. От «ПМ» толку как от рогатки.

– Как будто тебе часто стрелять приходится.

– Часто, не часто, а всякое может случиться. Так, отвертки нет, есть обломок стамески.

И зачем он Толстому нужен был?

– Не знаю.

– Ладно, попробуем обойтись обломком стамески. Ты, командир, пересел бы на соседнюю кровать.

Черников пересел. Взводный встал на каркас кровати ротного, начал ковыряться в корпусе кондиционера. Вскоре снял переднюю панель:

– Так, есть! А ну, что здесь барахлит? Понятно. – Он взглянул на Черникова: – Коробок спичек лишний есть?

– Этого добра хватает, а зачем тебе спички?

– Дай один коробок.

Ротный протянул взводному спички. И практически тут же кондиционер заработал, как и прежде, бесшумно – дребезжание прекратилось.

– Вот так, учись, командир, пока я живой! – усмехнулся Зайцев.

– Что ты сделал?

Поставив панель на место и спрыгнув с кровати, Зайцев объяснил:

– Там, внутри, трубки. От вибрации они смещаются друг к другу. Ну, и дребезжат, как соприкоснутся. Надо развести трубки, я так и сделал, а коробок между ними вставил, чтобы больше не смещались. В общем, полный порядок.

Черников покачал головой:

– Да, техника...

– Хорошо, хоть такая есть. У наших соседей из артдивизиона сгорел БК. Наглухо. Замкнула проводка. И теперь они в духоте маются.

– Чего новый не выпишут? На складе их шесть или семь штук стоят.

– А то ты нашего зампотыла не знаешь? Да он скорее удавится, чем кондер выдаст. Его же аборигенам за приличные бабки загнать можно. А ты говоришь, выдаст. Ребята обращались к нему, сказал, сдавайте сгоревший кондиционер в ремонт. В ремроту, словно там рембыттехника какая. А пока, мол, вентилятором обходитесь.

– Почему к полкану не обратились?

– Не знаю. Может и обращались. Но кондера у них до сих пор нету.

Зайцев так же закурил и присел на кровать Черникова.

– А ты, собственно, зачем пришел, Илья? – спросил ротный.

– Выпить предложить. У меня в значке фляжка спирту имеется, подумал, почему бы с командиром в выходной не выпить?

Черников, погасив окурок, спросил:

– Ты по части долго мотался перед тем, как ко мне заглянуть?

- Да считай с завтрака.
- Понятно.
- Что тебе понятно?
- Столько времени на солнце проводить нельзя. Вредно для головы, идеи начинаются глупые рождаться.
- Ты на что намекаешь?
- На то, что только после хорошего перегрева в башку может прийти мысль жрать спирт в сорокаградусную жару!
- От кого я это слышу? Не ты ли в прошлую...
- Старший лейтенант повысил голос:
- А вот обсуждать действия командира тебе, прапорщик, не положено! Так что заткнись, пожалуйста!

В прошлую среду офицеры подразделения тылового обеспечения полка отмечали день рождения начальника вещевого склада. Ну и перебрали – да так, что их пришлось по модулю на руках разносить. После чего командир объявил всем участникам пьянки по выговору.

Прапорщик ответил:

- Есть, заткнуться! Грубо, конечно, но я не в обиде.
- Еще бы ты был в обиде. Субординация есть субординация. А теперь скажи, с чего вдруг решил выпить? Что за причина? И не коси, я ж тебя как облупленного знаю, без повода ты к стакану даже не притронешься.

Зайцев вздохнул:

- Да нет никакой причины, Сань. Просто муторно что-то на душе, беспокойно. Предчувствие какое-то плохое.

- А может, с супругой проблемы?

Прапорщик кивнул:

- И с Ленкой проблемы.
- Что за проблемы, если не секрет?
- От тебя секретов нет. Братан старший письмо прислал. В пятницу получил. Пишет, будто Ленка моя с врачом новым загуляла. Она же медсестрой в больнице работает. Ну, а туда врача после института прислали. Так вот она с ним шуры-муры крутит.

Командир роты внимательно посмотрел на подчиненного:

- И ты веришь брату?
- Так брат все же! Нас с ним мать подняла, росли без отца. Тот рано умер, вот Вовка мне и братом, и отцом был. Мужик строгий, правильный. У него дома порядок. Все свое место знают, а он хозяин. Мать сейчас с ним живет, дом родительский на меня записан.
- Вы с женой до Афгана в этом доме жили?
- Лена и сейчас там живет, – горько усмехнулся прапорщик. – Ждет мужа с войны. Только получается, не очень-то и ждет.
- Это, конечно, твое дело, но я бы не спешил с выводами. У тебя отпуск в ноябре?
- В конце ноября. Новый Год дома проведу.
- Вот приедешь домой и все выяснишь.

Прапорщик невесело сказал:

- Как же, выяснишь! Бабы народ коварный и хитрый, подготовится к приезду. На все обвинения защиту найдет. Все объяснит так, что не подкопаешься. Да я, признаться, и предъявить ничего не смогу. Знаю, как увижу, все забуду. Люблю я ее очень, командир. До беспамятства. И потом если даже Ленка и закрутила с этим врачом, то это еще не значит, что она спит с ним. А если спит, так ведь бабе молодой без мужика нельзя. А я на войне.

Черников покачал головой:

– Странные у тебя понятия, Илья... Но, может, ты и прав. Вот только если мужчина и женщина любят друг друга, то никогда не изменят. Ни он ей, ни она ему. Ни когда вместе, ни в разлуке. Тем более если мужчина ни где-нибудь, а на войне!

Зайцев вновь вздохнул:

– Тебе хорошо говорить, у тебя в семье, наверное, полный порядок?

– У меня, Илюха, полный порядок.

– Счастливый ты человек, командир!

– Даже только из того, что до сих пор жив, а за спиной два года войны. И скоро в Союз.

– Не узнавал, с кем меняться будешь?

– Да вроде, вместо меня капитан из ЦГВ прибыть должен. Это я в строевой части узнал. У Костыля. А тот из штаба дивизии информацию получил.

Майор Коростылев служил в полку старшим помощником начальника штаба по строевой части. Кадровик, одним словом.

– ЦГВ – это Венгрия, что ли? – спросил Зайцев.

– В Венгрии Южная группа войск стоит. А Центральная – в Чехословакии.

– Неплохо.

– Согласен. Только этой информации грош цена, все решится в штабе округа в Ташкенте!

– Да, предписание выдадут в «Пентагоне».

(«Пентагоном» в ТуркВО называли штаб военного округа.)

– А то отправят к черту на кулички, – продолжил взводный и тут же поправился: – Хотя нет, тебя не отправят. У тебя же орден «Красной Звезды» и медаль «За боевые заслуги». Перед заменой еще чем-нибудь наградят. К черту на кулички не отправят. Так что, не будем пить?

– Нет.

– А вечером? Как все на фильм уйдут?

– Там посмотрим.

– Так я зайду после ужина?

– Заходи. А сейчас ступай к себе, Илья! Выспаться хочу.

– А чего тебя в сон тянет? В наряде вроде вчера не стоял, ответственным не был.

– Так завтра как раз и заступать ответственным. Впрочем, до завтра еще дожить надо.

– Доживем, куда ж мы денемся?

Командир взвода поднялся, бросил давно потухший окуроч в пепельницу, очередной раз вздохнул и вышел из отсека. Старший лейтенант прилег на кровать и тихо, чтобы никто не слышал, проговорил:

– Да, Илюша, у меня в семье полнейший прядок. И так я счастлив, что дальше некуда. Эх, жизнь наша бедовая...

Он отвернулся к стене. Кондиционер работал тихо, при этом хорошо охлаждая отсек. Можно было бы спать спокойно, до ужина, но сон как рукой сняло. Выругавшись, Черников повернулся к тумбочке, взял сигарету, закурил, достал из-под подушки письмо жены, полученное на прошлой неделе, в понедельник. Он знал его наизусть, но вновь принялся читать строки, написанные красивым почерком Галины. Читал и понимал: написано оно не от души, а так как бы по обязанности. Но не это удручало. Удручало и наносило боль другое. То, что почти в каждом слове явно проступала ложь. И эту ложь мог почувствовать только человек, чьи чувства обострены до предела, а нервы натянуты. Человек, находящийся в состоянии постоянного стресса, умело скрываемого силой воли, Черников частенько пил, пытаясь на время уйти от реальности, забыться. Но пьянство в итоге приводит к еще более сильной боли, а нередко и к гибели. Но таков человек войны. А старший лейтенант Черников и являлся человеком войны. А с ним – десятки тысяч его товарищей по оружию – офицеров и солдат ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Отложив письмо и докурив сигарету, Черников лег на спину и уставился на черную муху, повисшую у абажура на потолке. Он смотрел на муху и не видел ее. На Александра нахлынули воспоминания. Они овладевали старшим лейтенантом не часто, но затрагивали душу, иногда сжимая сердце стальными тисками, иногда, напротив, расслабляя и вызывая почти забытые ощущения искренней радости, беззаботности, иногда возвращая к сладостным моментам первой любви. Той любви, которая определяла его жизнь. А сейчас перевоплотилась в лживые фразы, написанные красивым твердым почерком на двух листах обычной школьной тетради.

Познакомился Александр с Галиной случайно, будучи курсантом 3-го курса Переславского военного училища. Находясь в увольнении, курсант Черников проведал родителей, живших в том же городе и, переодевшись, решил пойти в кино. На дневном сеансе в зале было всего человек сорок. Люди сидели либо поодиночке, либо парами. Рядом с ним в двенадцатом ряду сидела красивая девушка в скромном платье, с удовольствием смакуя обычное пятнадцатикопеечное сливочное мороженое в вафельном стаканчике. Девушка взглянула на Александра. И во взгляде ее был интерес. Да это и понятно – выйти замуж за курсанта или лейтенанта мечтали многие девушки. Там, в кино, Черников и познакомился с Галиной. После фильма они долго гуляли в парке, затем посидели в кафе. Потом он проводил новую знакомую до дома, договорился встретиться во время следующего увольнения. Но ждать очередного выхода в город Александру не пришлось. В понедельник, когда он вернулся после самоподготовки в казарму, дневальный по роте сообщил, что его ждут на контрольно-пропускном пункте. Черников удивился: родители в училище не приходили, друзья тоже... Отпросился у заместителя командира взвода и пошел на КПП. Там было много девушек, все кого-то ждали. Те, кто дождался, отходили в стороны, так как гостевая комната была переполнена. Александр хотел спросить у дневального по КПП, кто его вызывал, но услышал возглас:

– Саша! Это я! Я здесь!

Черников увидел Галину. Это был приятный сюрприз. Александр подошел к девушке:

– Здравствуй, Галя, признаюсь, не ожидал тебя увидеть.

– Здравствуй, Саша, я не собиралась приходить, а потом... потом вдруг решила пойти.

Очень захотелось вновь увидеть тебя.

Они поговорили недолго. Дежурный по КПП объявил, чтобы курсанты вернулись в подразделения. Предстояло построение на ужин. Можно было прийти после ужина, но заставлять ждать себя Черников не захотел. Галя спросила, когда у него увольнение. На этот вопрос курсант ответить при всем желании не мог. Списки составлялись непосредственно перед выходными днями, если рота не заступала в наряд или курсанта не ставили дневальным по роте и с учетом полученных оценок за неделю, а так же отсутствия нареканий со стороны командования. Кроме этого увольнения составлялись по очереди. Весь взвод сразу не мог покинуть территорию училища. Да и лишиться очередного увольнения было проще простого. Замечание командира взвода или тройка по какому-либо предмету, и выход в город закрыт. Вместо города – лопату или лом в руки, и вперед на стройку новых боксов для техники батальона обеспечения учебного процесса. Поэтому Александр сказал, что он обязательно позвонит перед тем, как выйти в город. Они разошлись. А на следующий день Галя вновь пришла. И принесла с собой пакет, в котором лежала упакованная в целлофан аппетитная, зажаренная в духовке курица и блок болгарских сигарет «Родопи». Черников начал было отказываться, но Галя не отступала. Мол, кормят в училище наверняка не как дома, что полностью соответствовало действительности. Взял пакет, попросил не приезжать каждый день.

Но Галя осталась верна себе, и каждый вечер Черников выходил к КПП. Однокурсники подшучивали: зацепила деваха крепко, не отвертеться, так и женишься. А Александр и не хотел ничего менять. И на четвертом курсе во время зимнего отпуска они поженились. Затем Черников уехал на практику и стажировку и оттуда дважды сбежал домой, к своей любимой, как ему казалось, жене, которая всегда радостно встречала мужа.

Наступил день выпуска. На торжественное построение пришли родители и Александра, и Гали. Черников получил диплом, знак об окончании высшего военного учебного заведения и предписание после первого отпуска убыть в распоряжение командующего Северокавказского, в то время мирного, округа. А в Афганистане уже полгода шла война. Все курсанты перед выпуском написали рапорта для отправки в Афган, но попали туда сначала единицы. На Черникова же пришел запрос из части, где он проходил войсковую стажировку. Он поступал в распоряжение отдельного автомобильного батальона окружного подчинения, дислоцировавшегося в городе Новочеркасске.

Отгуляв отпуск, молодая семья уехала к месту службы мужа, где Черникову сразу же предоставили однокомнатную квартиру в новом, только что построенном рядом с частью пятиэтажном доме. Казалось бы, все складывалось, как нельзя лучше. В батальоне всего две роты, командиром взвода одной из которых был назначен лейтенант Черников. Техника на хранении. Служба не обременяла, наряды пролетали влегкую, не то что в училище, когда после дежурства хватало сил только добраться до кровати в казарме. Квартира отдельная, мечта почти всех молодых офицеров, приличное денежное довольствие. Черников получал двести шестьдесят рублей – столько же, сколько главный инженер местного авторемонтного предприятия. Денег хватало, чтобы Галя не работала. А тут еще родители с мебелью помогли. Купили стенку, диван с креслами, ковер, холодильник, кухонный гарнитур, а главное – цветной телевизор «Горизонт». В общем, все складывалось хорошо. Командир отмечал Черникова, как одного из лучших взводных, что предвещало неплохую карьеру в будущем. Галина являла собой пример образцовой жены.

А потом грянул Афган. Война достигла Черникова и в мирном далеком Новочеркасске. И случилось это неожиданно. После утреннего развода в понедельник, комбат попросил Черникова зайти в штаб. Офицер подчинился. В кабинете командир и вручил ему предписание об убытии в распоряжение командующего Краснознаменного Туркестанского военного округа.

– Афганистан? – спросил комбата Александр.

– Да, Черников! – ответил майор. – Афганистан! Хочешь спросить, почему ты, а не кто-то другой?

Но Александр не стал ничего спрашивать. Так как в предписании было предложено убыть на следующий день, он быстро передал дела ротному, попрощался с личным составом и пошел домой, сообщить супруге «радостную» весть. Но Галина восприняла известие о предстоящей командировке мужа на удивление спокойно. Александр ждал, что она заплачет, но Галя, обняв мужа, сказала:

– Что подделаешь, Саша! Ты военный, такая у тебя работа. Да и знала я, что рано или поздно, тебя отправят в Афганистан. Это для нас испытание. Испытание нашей любви. Ты вернешься, обязательно вернешься, а я дождусь. И потом ты же автомобилист, а не мотострелок, десантник или танкист. Отслужишь два года в таком же автобате, и вернешься.

– Ты уедешь домой?

– Конечно, к родителям. Что мне здесь без тебя делать? Устроюсь в школу или детский сад, буду работать и каждый день писать тебе письма.

– Жаль, что не смогу проводить, придется одной собираться. Контейнер заказывать.

– Мне помогут. Твои друзья и помогут, разве не так?

– Но все равно оформлять бумаги одной придется.

Черников согласился с доводами жены, но ее спокойствие было неприятно лейтенанту. Он ожидал другой реакции Галины. Все же уезжал на два года и на войну. А жену его отъезд будто не задел. Тогда он подумал, может, она сильно переживала, но скрывала свои чувства. Позже убедился, что нет, не переживала, и командировка супруга ее вполне устраивала.

На следующий день Черников уехал в Ростов. Галина проводила его до аэропорта. Поцеловала на прощание, и Александр улетел в Ташкент, а через две недели транспортным бортом

прибыл в штаб 40-й отдельной армии, где получил назначение в N-ский мотострелковый полк, на должность заместителя командира тогда еще автомобильной роты. А чуть позднее, после того, как авторота была преобразована в роту материального обеспечения, принял командование подразделением.

Он узнал, что такое война, сразу же по прибытии в полк. Молодого заместителя командира роты отправили с топливозаправщиками на дивизионные склады ГСМ. Они находились недалеко, на равнине. И во время того рейса на колонну напали душманы, прямо из кишлака, рядом с которым проходила дорога. Обстрел был недолгим и слабым, однако двух солдат он потерял. Видимо, их убил снайпер – у обоих оказались пробиты головы. Первые потери, первый бой навсегда остались в памяти офицера. Но более всего его потрясло то, что произошло после того, как он сообщил о нападении в штаб полка. Ему приказали держать личный состав в укрытиях у дороги. А потом появились вертолеты огневой поддержки «Ми-24». Они прошли над колонной и ударили по кишлаку неуправляемыми реактивными снарядами. Один из вертолетов сбросил на селение две мощные бомбы, от разрыва которых к небу поднялись грибовидные столбы огня и дыма. Отстреляв боекомплект, «крокодилы» – так в обиходе называли «Ми-24» – ушли на базу, а Черников увидел сплошные развалины на месте, где еще полчаса назад стояли дома афганского кишлака. Он поднес к глазам бинокль. Среди развалин в самых неестественных позах лежали трупы мужчин, женщин, детей.

Находясь в оцепенении, Черников закрыл глаза. Из этого состояния Александра вывел связист, сообщивший, что старшего колонны вызывает штаб полка. Черников ответил, доложил о потерях, о воздушном обстреле кишлака, от которого остались одни развалины. Информацию о судьбе афганского селения заместитель начальника штаба пропустил мимо ушей. Он уточнил потери подразделения Черникова и передал ему приказ продолжить движение. Александр выполнил задачу, доставил в полк горючее. А поздним вечером, в отсеке офицерского модуля, впервые в своей жизни нажрался до чертиков. Точнее, до полного отрубца. Пил один, так как соседи его, офицеры-мотострелки находились в наряде. Но Александру и не нужны были собутельники. Ему было необходимо уйти от страшной реальности войны, пусть всего на ночь, но уйти, забыться. Он выпил две бутылки водки и забылся тяжелым сном.

Это был первый, но далеко не последний его бой. Со временем он стал воспринимать действительность, как нечто такое, что не имеет к нему отношение. Душманы стреляли в него, он стрелял в душманов. Это стало обыденностью и не вызывало сильных эмоций. Сердце лейтенанта окаменело, он очерствел, и только когда погибали его подчиненные, он оттаивал и становился прежним Сашей Черниковым.

Прошел год службы, ему присвоили очередное звание – старший лейтенант и наградили медалью «За боевые заслуги». А в сентябре восемьдесят второго года предоставили отпуск. Купив в военторге подарки, Александр вылетел в Ташкент, оттуда в Москву и далее на такси, благо платить было чем, – часть чеков он поменял по хорошему курсу, один чек за восемь рублей – в Ташкенте предлагали один к четырем. Сначала отправился к родителям. Александр не предупредил никого об отпуске, и его приезд оказался столь неожиданным, что матери чуть «Скорую» не пришлось вызывать. Внезапная радость иногда может убить. Но обошлось. Дома Черников не задержался, передал подарки и, извинившись, поехал к родителям Гали. Мать и отец его поняли. Год не видел жену, соскучился. Был выходной день, и где-то в полдень с баулом Черников поднялся к двери в квартиру родителей жены. Открыла дверь теща. Охнув, присела от неожиданности на пуфик в прихожей. Растерялся и тесть, только и проговоривший:

– Саша, ты? Откуда?

Черников рассмеялся:

– Откуда? Хороший вопрос! Вы до сих пор не знаете, где служит ваш единственный зять?

Тесть пришел в себя:

– Черт! Да уж, идиотский вопрос. Но ты появился так неожиданно... Почему не предупредил?

– Хотел сделать сюрприз, да видно, напрасно. Где Галя?

Он ждал, что супруга сию минуту выйдет в прихожую, застынет, как и родители, приоткрыв от удивления свой красивый, такой притягательный ротик, а потом бросится ему на шею. Но вместо этого услышал покашливание тестя и ответ, которого никак не ожидал:

– Так это, Саша, Галя не живет с нами. Пожила с месяц, как приехала из Новочеркасска, а потом сняла квартиру.

– Не понял! Что значит, сняла квартиру? Зачем?

– Ну это ты у нее спроси. Не захотела жить здесь. Да и денег ты ей присылал столько, сколько мы с матерью на двоих не зарабатываем, а ты знаешь, оклад у меня...

– При чем здесь деньги? – перебил тестя Черников.

– Ну, на них она и квартиру сняла. Мебель купила. Ту, что из Новочеркасска в контейнере пришла, у нас расставили. К нам заходит нечасто, больше звонит, но всегда о тебе рассказывает. То, что из писем узнает.

Теща подтвердила:

– Да, Саша, о тебе она постоянно говорит. Ждет тебя.

– Ждет? Ладно, посмотрим, как ждет. Скажите адрес съемной квартиры.

Ответил тесть:

– Так это здесь рядом, на соседней улице. Да ты знаешь, дом пятиэтажный, там, где поликлиника.

– Номер квартиры?

– Шесть. Первый подъезд, третий этаж. Хочешь, я провожу тебя. Или вот мать.

– Не надо. Сам найду, – отозвался Александр.

Он раскрыл баул, достал из него два свертка, положил на трюмо:

– Это вам, подарки.

– Спасибо, не надо бы ничего, хорошо, что сам приехал.

– Это, как вижу, смотря для кого. Но я пошел.

Теща остановила его:

– Подожди, Саша, возьми ключи.

– Что за ключи?

– Вторые ключи от Галиной квартиры. Ее может не быть дома – вроде на рынок собиралась...

Забрав ключи, Александр вышел из квартиры родителей супруги. Остановился у окна между этажами. Закурил. То, что Галя жила одна, неприятно удивило офицера. Он испытал чувство недовольства, раздражения и ревности. Что значит ее поведение? Почему решила жить одна? Не потому ли, что родители не дали бы привести домой мужика? Хотя почему не дали бы? Ну поворчали бы, возможно поругали... Впрочем, они и ругаться-то не умели. Интеллигенты. В любом случае ему, Александру, ничего не сказали бы. И с другой стороны, совершенно не обязательно снимать квартиру только для того, чтобы водить туда любовников. Напротив, это небезопасно. Проще встретиться у тех дома, в крайнем случае в гостинице. Сунул администратору червонец, и он предоставит номер на несколько часов, закрыв глаза на все инструкции. Может, Галя отвыкла от опеки родителей? Ведь и сам Черников сейчас не смог бы жить вместе со своими. Но скоро все выяснится. Ему не хотелось верить в то, что жена может изменить. Да и повода для этого не было. Пока не было.

Черникову вдруг захотелось выпить. Он вышел из подъезда. Где находился дом с поликлиникой, он прекрасно знал. По пути зашел в магазин и купил бутылку водки. К квартире, что снимала супруга, он подошел сильно раздраженным. Нажал на кнопку звонка, сделав два глубоких вдоха, чтобы успокоиться. В коридоре раздался мелодичный сигнал. Но никто не спешил

открыть дверь. Александр позвонил еще раз. Результат тот же. Стало ясно: внутри никого нет. Галя, если ушла на рынок, то еще не вернулась, но должна подойти с минуты на минуту. Что ж это даже к лучшему, он успеет рассмотреть ее жилище. Черников ключами, переданными родителями супруги, открыл дверь и вошел в прихожую. Почувствовал запах дорогих духов. Уж не тех ли самых, что лежали в бауле? Они и в Афгане стоили недешево, здесь же могли продаваться только нелегально. Но не исключено, что он ошибается.

Не разуваясь, Александр прошел на кухню. Поставил баул у стола, вернулся в коридор, вошел в комнату однокомнатной квартиры. Осмотрелся. Небольшая стенка вдоль стены, у двери на балкон на подставке цветной телевизор, напротив стенки диван, справа два кресла, журнальный столик, в углу шкаф, на столике импортный двухкассетный магнитофон. На полу и на стене над креслами ковры. Уютно, ничего не скажешь. Александр подошел к шкафу, открыл первую створку. Увидел шубку, пальто, куртку, коробки с обувью, в основном осенней и зимней. В первом отсеке на полках – платья, майки, нижнее белье. Оно привлекло особое внимание старшего лейтенанта. Это были наборы. Такие он видел в дукалах Даулака. Черные трусики, прозрачный бюстгальтер, такие же чулочки. Колготки кружевные и в крупную сетку. Ниже наборы красного цвета, бордовая и черные комбинации. Черников нахмурился. Он представил Галину в таком одеянии, подкрашенную, с лентой в волосах. Получается вид дорогой проститутки. Сердце кольнуло. Захлопнув дверку, Александр прошел на кухню, открыл холодильник. Там обычные для того времени консервы, кусок колбасы, пачка пельменей в морозилке. И тут же то, что было редкостью. Коробка конфет, рядом бутылка вина и шампанского, в сетке мандарины, сбоку в стенке пузатая бутылка армянского коньяка. Да, видимо, он действительно высылал супруге слишком много денег. Она еще и зарплату получала. В общем, жена не отказывала себе ни в чем. Вопрос: для чего или для кого в холодильнике коньяк? И для чего пепельница? Она терпеть не могла запах дыма.

Вновь кольнуло сердце и заныло тупой болью.

Александр почувствовал непреодолимое желание выпить. Достал из баула бутылку водки, сорвал пробку, налил полный стакан водки. Выпил спиртное в три глотка, не поморщившись и не ощутив особой горечи напитка. Присел на мягкий табурет, достал пачку «Явы», закурил и задумался. Недолгие раздумья и тишину в квартире прервала трель телефона. Раздавалась она из прихожей. Александр подошел к аппарату, снял трубку. И сразу услышал уже немолодой мужской голос:

– Галчонок? Здравствуй!

– Галчонок твой только что в форточку вылетел, – ответил Черников.

– Что? А... кто вы?

– Я-то муж Галчонка, а вот кто ты?

– Извините, видимо, я ошибся номером.

Мужчина положил трубку. Бросил ее на аппарат и старший лейтенант.

– Вот оно, значит, как? – проговорил он. – Галчонок? Интересно.

Черников вновь отправился в кухню, но его опять остановила трель телефонного звонка:

– Вот урод! Ну сейчас ты получишь у меня Галчонка!

Он сорвал трубку:

– Ну что, козел, опять не туда попал?

– Саша, что с тобой? – проговорила в трубку теща. – Что случилось?

– А, это вы? Да ничего не случилось, не считая того, что Гали нет дома.

– Я же говорила, она собиралась на рынок, а ты должен знать, как женщины выбирают покупки; одна примерка чего стоит.

– Я с Галей на рынок не ходил и за другими женщинами не наблюдал. Но сейчас уже все рынки закрыты, посмотрите на время. Три часа.

– Значит, Галя зашла в магазин.

– А потом в парикмахерскую, зоопарк и под вечер в ресторан? Это ее обычный распорядок воскресного дня в отсутствии мужа?

– Ну что ты, Саша, нет! Галя обычно дома в это время.

– Что ж она вас не проводит, раз свободна в это время?

– Проводит, но не часто. Она сейчас придет, не расстраивайся!

Переговорив с тещей, Александр зашел на кухню, выпил еще полстакана водки, выкурил сигарету, прошел в комнату. Включил магнитофон, прилег на диван. Незаметно для себя, под музыку, уснул. Все же ночь провел бессонную, в перелетах. Проснулся, когда за окном начало темнеть. Взглянул на часы. Еще в Ташкенте выставил московское время. Часы показывали 21.00. Александр поднялся, проговорил:

– Неплохо. Девять вечера, уже и магазины с парикмахерскими закрылись. Где ж ты гуляешь, ненаглядная?

Два часа спустя у подъезда остановилась машина. Свет он не включал, тот раздражал офицера. Александр подошел к окну. Увидел такси. Из «Волги» вышла его супруга и... мужчина. Они вместе, смеясь, пошли к подъезду. Александр непроизвольно сжал кулаки. Затем огромным усилием воли заставил взять себя в руки. Прикурил сигарету и присел на табурет, сбрасывая пепел в заполненную окурками хрустальную пепельницу. Он ждал. Дверь открылась, в прихожей загорелся свет и раздались смех и голоса:

– Ну вот и дома. Этот вечер настолько утомил, что впору сразу завалиться в постель, – проговорила жена.

Ей вторил мужской голос с заметным кавказским акцентом:

– Ты права, надо было раньше уходить; но согласишься, Маргарита сегодня смотрелась просто шикарно.

– Даже лучше меня?

– Нет, но шикарно.

– Погоди, а почему в квартире полно дыма?

Галина почувствовала запах, потому что не почувствовать его было невозможно: Черников за день выкурил больше пачки сигарет. Жена прошла на кухню, включила свет и вскрикнула:

– Ой! Ты?

Из гостиной донесся голос:

– Что такое, Галя?

Но супруга Черникова не ответила. Приоткрыв рот, она смотрела на так внезапно и некстати объявившегося мужа. Но надо отдать должное ее таланту перевоплощения. Она мгновенно взяла себя в руки и воскликнула:

– Саша! Дорогой, наконец-то! – затем крикнула в сторону прихожей: – Артур, у меня муж из Афганистана вернулся.

Она подошла к поднимающемуся с табурета Черникову. Хотела обнять его, но тот отстранил от себя супругу и спросил:

– И что все это означает, Галина?

– Что все? И почему ты после года разлуки не позволяешь обнять тебя?

Черников повысил голос:

– Я спросил, что все это означает? Эта хата, ночной приход после гулянки, мужик?

На кухню вошел то ли кавказец, то ли азиат. Он был высокого роста, на вид крепкий, с пышной шевелюрой и аккуратными и тонкими усиками:

– Здравствуйте! Не подумайте ничего плохого. Я просто проводил Галину, время позднее и сейчас же удаляюсь. Он повернулся к Черниковой: – Я рад за тебя, Галя.

Хотя в голосе его чего не было совершенно, так это радости. Больше раздражения. Но Артур развернулся, прошел по коридору до двери, вышел из квартиры и захлопнул за собой дверь.

– Это правда, всего лишь мой знакомый, мы работаем вместе, – сказала Галина. – И он только проводил меня. Единственный раз.

– Ты где была, дорогая?

– Я сейчас тебе все объясню! Но сначала скажи, почему ты не предупредил о приезде? Я бы встретила тебя. Подготовилась и, естественно, не пошла бы на юбилей нашей директрисы.

– Так вы праздновали юбилей директрисы?

– Да, директора школы!

– И кем работает у вас Артур? Физруком? Трудовиком? Или преподает более серьезные предметы?

– Он завхоз, Саша. Черт, как же все нехорошо вышло...

– Да уж ничего хорошего. А зачем ты сняла квартиру? Ведь у твоих родителей – про своих я и не говорю – большая трехкомнатная квартира? Или они не приняли бы Артура? Или отшили бы мужика, что звонит тебе, называя Галчонком?

Галина изобразила изумление:

– Какой еще мужик? Какой Галчонок, Саша? Не понимаю!

– Конечно, мужик, скорее всего ошибся номером, так?

– Разве этого не может быть?

– Может, в этой жизни все может быть.

– Ты мне не веришь? Хотя нет, ты ревнуешь... Ах, дурачок! Да разве я променяю тебя на кого-то другого? Никогда и ни за что. Потому, что люблю, и сняла квартиру потому, что она так похожа на наше уютное гнездышко в Новочеркасске, и я, в конце концов, взрослая женщина, чтобы жить под присмотром родителей. Я ждала тебя. Каждый день думала о тебе. Можешь верить, можешь нет. У меня никого не было, и быть не могло. Мне было плохо без тебя. В город приходят гробы, я все время боялась, а вдруг... Ты же упрекаешь меня в чем-то, чего не было. Саша! У меня есть только ты. И я люблю тебя.

Она еще что-то говорила, заикалась, повторялась, но своего добилась. Александр поверил ей, наверное, оттого, что очень хотел поверить.

Ночью Галя старалась, доказывала мужу, какой страстной и ненасытной может быть женщина, прожившая без мужа целый год. И потом она являла собой пример образцовой жены, как в Новочеркасске. Была нежна, ласкова. Играла? Если да, то нетрудно представить, каких усилий ей этого стоило.

Артур больше не появлялся; впрочем, Гале предоставили отпуск по семейным обстоятельствам – все же муж не откуда-нибудь, а из самого Афганистана в отпуск приехал. Не звонил и мужик, назвавший супругу Галчонком. Обстановка в семье успокоилась. Отпуск пролетел быстро. И вроде все нормально, а со стороны, так вообще прекрасно. Но Александр уезжал в Москву, испытывая чувство недоверия к жене. Между ним и супругой словно пролегла невидимая нить обмана, лжи.

А потом он вновь окунулся с головой в службу. Был награжден орденом «Красной Звезды». Письма от Галины приходили уже не так часто, но в этом отчасти был виноват сам Александр. Он тоже перестал баловать жену ответами. Но Галя писала. И в строках ее писем читалась ложь. Как и в этом письме. Вроде, все написано так, будто между ними сохранялись те же отношения, заверения в любви, в том, что Галя ждет его, маясь ночами от одиночества и страха. И в то же время все это было ложью. Отписалась дорогая супруга – и продолжает жить красивой, независимой, вольготной жизнью. Написала бы, что любит другого или физически не может жить без мужика, попросила бы отпустить – так никаких проблем, лети на все четыре стороны. Как говорится, развод и девичья фамилия. И никакого обмана, никакой лжи.

Но Галине, видимо, хотелось и погулять, и остаться женой офицера, тем более знает, что тот скоро покинет Афганистан и впереди их ждет служба за границей. Черников как-то написал ей об этом. Мимоходом, безо всякой задней мысли. Галина же в момент оценила ситуацию. Какая жена офицера не мечтает попасть за границу? Там другая жизнь, другое обеспечение, там все другое.

Александр вновь взял последнее письмо, но перечитывать еще раз не стал. Не смог. Свернул тетрадные листы, положил в конверт, бросил конверт в тумбочку. И вновь закурил, благо кондиционер вытягивал из отсека дым. Скоро замена, а как жить дальше вместе с женой? Постоянно нося в себе мысли о том, что она изменяла ему. Спала с другими мужчинами. И плевать на то, что это недоказуемо. Сердце не обманешь. Играть? Надолго ли хватит этой игры? Но, ладно, решать вопрос о семье будем в Союзе, до замены. А дальше, на месте, видно будет, как поступить.

Затушив окурок, старший лейтенант закрыл глаза и даже задремал. Но дрему прервал громкий стук в дверь. Александр выругался:

– Кто там молотит, словно дверь высадить хочет? Открыто!

В проеме показался солдат с повязкой на руке:

– Товарищ старший лейтенант, вас в штаб вызывают! В кабинете командира полка много офицеров, и зампотыл, и зампотех...

– Понятно. Иди! – сказал Черников.

Солдат вышел из отсека, Александр поднялся с кровати.

Быстро облачившись в «афганку» – полевую форму военнослужащих, проходивших службу в Афганистане – и закрыв отсек, Черников направился к штабному модулю полка. У входа стоял и курил дежурный по части, командир 7-й мотострелковой роты, капитан Сергей Иванцов.

– Привет, Саня! Тебя уже ждут.

– Привет! Не знаешь, зачем собирают?

– Точно нет, но что-то связанное с батальоном Скоробрехина.

– Он же на войне!

– Вот именно, и вроде, как с утра столкнулся с крупной бандой у Тахджави. Короче, ты ступай к командиру, он все объяснит, разложит по полкам. Потом ко мне зайди, я тоже хочу знать, что произошло у Тахджави.

– Хорошо. Кого, кроме меня, вызвали к полковнику?

– Второго взводного первой роты Колю Белоусова. Но он еще не подошел.

– Ясно, значит, выход...

Иванцов, затянувшись, безразлично сказал:

– Скорей всего! Да тебе привыкать, что ли? Вот только плохо, что перед самой заменой.

– Кольке тоже меняться через месяц...

Черников отправился к кабинету командира полка. Открыл дверь, вошел, доложил о прибытии.

За столом совещания уже сидело почти все командование полка: начальник штаба майор Бойчук, заместитель по вооружению, или в простонародье зампотех, майор Крамаров, заместитель по тылу – зампотыл – прямой начальник Черникова, подполковник Круглов. Отсутствовали заместитель командира полка и замполит. Старший лейтенант поприветствовал начальство:

– Здравия желаю!

Командир полка подполковник Ивушкин предложил Александру:

– Да ты присаживайся, присаживайся.

Командир роты материального обеспечения занял место рядом с замполитом.

Ивушкин взглянул на начальника штаба:

– Тебе слово, Дмитрий Олегович!

Начальник штаба обратился к присутствующим:

– Товарищи офицеры, вы все знаете, что второй батальон полка под командованием майора Скоробрехина был направлен к селению Тахджави, так как по данным армейской разведки в районе указанного населенного пункта объявилась крупная банда не безызвестного Ахмада Абутияра. С его отрядами нашим подразделениям уже приходилось вести бои. Задачей батальона являлось перекрытие всех возможных подходов банды к Тахджави с последующим обнаружением и уничтожением противника силами батальона и приданным ему звеном вертолетов огневой поддержки, а также с применением дивизиона артиллерийского полка. Батальон занял позиции поротно, на рубеже, отстающем от населенного пункта в восемь-десять километров. И вот сегодня в 6.00 позиции передовых постов были подвергнуты минометному обстрелу из безымянного ущелья. Ориентировочно минометные расчеты «духов» располагались в квадрате... Затем душманы атаковали позиции пятой мотострелковой роты, а также пункт тылового обеспечения. Ответным огнем бойцам Скоробрехина удалось отбить атаку и даже организовать преследование отходящих сил противника. Но неожиданно четвертая мотострелковая рота подверглась атаке с востока. «Духи» сблизилась с ее позициями и открыли по ним массированный огонь. И эта атака была отбита, после чего душманы организованно отступили. Наши потери в личном составе: трое убитых и трое раненых – среди раненых командир взвода 5-й роты. Ну, а погибли бойцы передового поста, которые первыми вступили в бой с превосходящими силами противника. Также душманам гранатометным огнем удалось сжечь один бронетранспортер отделения охраны управления подразделением, штатный топливозаправщик, передвижную ремонтную мастерскую и вывести из строя еще два БТРа. Но их можно восстановить на месте, без эвакуации в полк. Хочу отметить следующее. Если раньше отряды Абутияра нападали из засад только на взводы рот, выходявших на реализацию разведанных, то сегодня бешеный Абу решился атаковать позиции батальона. О чем это говорит? Либо о том, что у него напрочь снесло «крышу» от наркоты, и он потерял всякое чувство меры, либо у него сейчас в подчинении банда, насчитывающая не менее тысячи человек. Меньшими силами «духи» никогда не решились бы на подобные действия. Но с этим мы разберемся. В район Тахджави планируется переброска отдельного десантно-штурмового батальона. Нам же сейчас важно, как можно быстрее восстановить боевой потенциал 2-го батальона, чтобы он мог работать по банде в полную силу. А для этого требуется пополнить подразделение боевой машиной, боеприпасами, горючим. Исходя из вышеизложенного...

Командир полка прервал начальника штаба:

– Дальше я сам, Дмитрий Олегович. Мной принято решение...

И он не смог договорить. В дверь постучали, и в кабинет вошел командир 2-го взвода 1-й роты старший лейтенант Николай Белоусов:

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Проходи, присаживайся рядом с Черниковым.

Взводный выполнил распоряжение, а Ивушкин продолжил:

– Итак, мной принято решение направить в батальон Скоробрехина все необходимое для действий в горах. А конкретно, что уже перечислил начальник штаба: боеприпасы, топливо, другое имущество, технику. Направить к Тахджави колонну в составе двух грузовых автомобилей, двух топливозаправщиков, двух мастерских ремроты с ремонтными отделениями, бронетранспортер первого батальона на замену сожженного санитарного «УАЗа» для доставки в полк убитых и раненых. Время начала марша определено на 5.00 завтра, 11 июля. Командиру роты материального обеспечения до 18.00 выставить в парке четыре грузовика, два наливника, МТО-АТ технического замыкания колонны, заместителям до 21.00 обеспечить загрузку автомобилей, выделить БТР, санитарную машину и летучки ремроты с необходимым личным составом. В 21.30 колонна должны быть сформирована и готова утром совершить сорокадвух-

километровый марш. Старшим колонны назначаю командира роты материального обеспечения старшего лейтенанта Черникова, в боевое охранение – взвод старшего лейтенанта Белоусова. Инструктаж личного состава провести непосредственно перед маршем в 4.30. Данное мероприятие возлагаю на начальника штаба. На вопрос, почему инструктаж решаю провести перед маршем, а не как положено, накануне, отвечаю: мы ждем разведывательных данных по банде Абутияра. До утра разведка дивизии должна обнаружить места дислокации ее отрядов. Исходя из этих данных, определим порядок и режим перемещения колонны, дабы минимизировать риск попадания еще и ее в душманскую засаду. Старшим лейтенантам Черникову и Белоусову изучить предлагаемый штабом маршрут движения к Тахджави.

Командир полка посмотрел на младших офицеров:

– Ведь если что, то именно вам, ребята, придется отбиваться от «духов». Мы, конечно, поможем, но не сразу, так что изучите маршрут как следует. Все вопросы по нему к начальнику штаба во время инструктажа. В случае необходимости майор Бойчук скорректирует его. Вопросы ко мне есть?

Ответив на вопросы подчиненных, командир полка объявил совещание закрытым. Офицеры направились готовить колонну к выходу.

Глава вторая

Черников и Белоусов вышли из кабинета последними. У дежурки их ждал капитан Иванов:

– Ну что, мужики, выход?

Черников кивнул:

– Да, Серега. – Взглянул на Белоусова: – Прокатимся еще, надеюсь, в крайний раз, с Колей по местным дорогам.

– А чего случилось у Скоробрехина?

Ответил старший лейтенант Белоусов:

– Это ты, Сергей, у командира полка или начальника штаба спроси. Впрочем, если не хочешь нарваться на неприятность, можешь поинтересоваться насчет второго батальона у оперативного дежурного. Начальник автослужбы в курсе всех дел и от него неприятностей ждать не приходится.

Белоусов и Черников спустились по ступеням к песчаной дорожке, ведущей к плацу. Белоусов спросил:

– Ты успеешь выставить машины до указанного времени?

– Конечно! Раньше колонну выстрою, с личным составом тоже никаких проблем. А загрузка дело замов полковника, пусть грузят. Наливники же у меня полные. А что?

– Да вот думаю, когда нам лучше маршрут посмотреть?

– Командир же сказал, после того, как закончим формирование колонны.

– А я думаю, нам с тобой следует поработать с картой раньше. Потому как если вдруг понадобится усиление охранения, то утром мы его не получим точно. Не успеем получить.

– Ты опасаясь засады?

– А ты нет?

– Не думаю, что Абутияр устроит охоту за автоколонной. Скорее, отошел на север, в горы. Ужалил батальон и отошел. Он же хоть и «дух», но возвращенный в нашем военном училище, и прекрасно понимает: его нападение на батальон, пусть и показное, безнаказанным не останется. А открыто противостоять с нами ему невыгодно, потому как смертельно опасно. Мы же сильнее, а значит, разнесем его банду к чертям собачьим, сколько человек она ни насчитывала бы.

Белоусов погладил подбородок:

– Да? А я вот думаю, что не все так просто, как ты обрисовал. Абутияр – хитрый «дух». И если он пришел сюда, к Тахджави, то не затем, чтобы ужалить батальон и уйти.

– Ну, хорошо, давай перестрахуемся. Мне на вывод техники и назначение состава наряда потребуется не более двух часов, тебе еще меньше. Предлагаю встретиться у меня в отсеке, – Черников взглянул на часы, – скажем, в 17.00. Часа нам хватит?

– Хватит. Должно хватить.

– Ну вот до 18 поговорим, а если что, то можем продолжить и после построения колонны.

– Договорились. До встречи у тебя в отсеке!

Офицеры разошлись по подразделениям поднимать личный состав. Выходной для них закончился, начались боевые будни.

В 17.00 в отсек Черникова пришел Белоусов и командир 1-го взвода материального обеспечения прапорщик Илья Зайцев. Черников разложил на столе карту района:

– Посмотрим, что мы имеем. Вот наша база, Даулак, северная дорога, южная дорога, Тахджави; овалом обозначено место временной дислокации 2-го батальона. От Даулака до Тахджави по северной дороге пятьдесят шесть километров, по южной – сорок два. Предпочтительнее, конечно, северный путь, но там «духи» еще месяц назад обвалили скалу и завал еще

не разбирали. По этой дороге пройти на технике невозможно. Остается южная дорога. Она короче, но сложнее. До Куншерского ущелья путь лежит по плато, этот участок в восемнадцать километров относительно безопасен. На нем «духам» полноценную засаду организовать практически невозможно. Мест для нападения из балок много, но вот пути отхода только по плато. А это значит «вертушки» успеют накрыть «духов» до того, как они доберутся до первого перевала. Так что первый этап марша должны пройти без проблем, от Куншерского ущелья до Тахджави пятнадцать километров, вновь по плато и по зоне ответственности батальона. Так что и этот участок не должен преподнести сюрпризов. С плато «духи», если они, конечно, не ушли в горы, действовать не решатся. Остается само ущелье, и вот здесь мы реально можем попасть в переplet. Причем в любом месте. Колонну можно накрыть и со склонов, и с вершин, а также в районе полуразрушенной крепости Куншер.

– Учитывая и то, что колонна небольшая, а в охране взвод на БТРах! – добавил Зайцев.

Белоусов согласился:

– Да, применить крупнокалиберные пулеметы КПВТ по вершинам и большей части склонов мы не сможем. А сжечь БТРы сверху – плевое дело. Три гранатометчика – и машины превратятся в факелы. Но это при условии, что «духи» будут ждать нас. Это, конечно, возможно, но маловероятно.

Черников взглянул на командира мотострелкового взвода:

– Да! По идее после нападения на роты батальона, Абутияр должен был отвести свои отряды в горы. Одно мне непонятно: для чего он вообще атаковал позиции батальона? Сломить оборону рот его абреки, будь их несколько тысяч рыл, все равно не смогли бы, нанести ощутимый урон в технике и живой силе тоже. Почему же хитрый Абу пошел на авантюру? Понять его замысел нам не мешало бы.

– Над этим штабисты макушки ломают, – проговорил прапорщик. – Наше дело доставить в батальон боеприпасы, горючку, бросить им БТР с летучками ремроты и, забрав раненых и убитых, налегке вернуться в полк.

– Вот именно! – сказал Черников. – А для этого требуется совершить марш. Лучше без проблем, потому, как эти проблемы в том же ущелье придется устранять, боюсь большой кровью. Поэтому и не мешало бы знать, есть «духи» в Куншерском ущелье или нет.

– Как ты это узнаешь, если разведка не имеет по Абутияру достоверных данных?

– Не будем обсуждать работу разведчиков, вернемся к нашей теме. Значит, если духи не ушли в горы, то рассыпались на мелкие группы и находятся где-то рядом с Тахджави. Допустим, одна из этих групп или один из отрядов Абутияра укрылся в Куншерском ущелье. И «духам» становится известно о нашей колонне. Откуда – неважно; не исключено, что они пасут и базу полка, а средства связи у духов не в пример нашим, современные, дальнего действия. Что решит Абутияр, узнав о колонне? Пропустит ее или все же попытается уничтожить? Скорее второе. Нападение на позиции батальона без получения какого-либо серьезного результата – это одно, а вот уничтожение колонны – совсем другое. А если предположить, что Абу имеет задачу расшевелить полк и заставить наше командование начать за ним охоту, организовав при этом сеть засад по всему району, то ликвидация колонны заставит командование полка, да и дивизии действовать по сценарию «духов». Значит, Абу решит гасить колонну. И сделать это удобнее всего в ущелье. Но оно тянется на девять километров. Где «духи» организуют засаду?

– Да где угодно, – ответил Белоусов. – Хоть в начале ущелья, хоть в конце; впрочем, на выходе вряд ли, значит, где-то до крепости.

Черников посмотрел на мотострелка:

– Почему не у Куншера?

– Потому, что там просто идеальное место для нападения.

– Ну вот!

– Но раз оно идеально для нападения, то и мы там применим повышенные меры безопасности. И «духи» это тоже понимают. Нет, Саня, если нас и атакуют, то там, где мы этого будем ждать меньше всего.

– В начале ущелья, где придется вытягивать колонну на максимальную дистанцию между машинами?

– Думаю, да. И рассредоточиться «духи» должны либо по вершине, либо по склонам на расстояние не менее километра. Тогда они будут иметь возможность нанести одновременный удар, даже если мы пустим технику по варианту разорванной цепи. Одну за другой под прикрытием БТРов от рубежа к рубежу. Растягивая колонну. Более, чем на километр, колонну из 13 единиц техники в ущелье не растянешь. Черт, число-то какое, тринадцать... Хреновое число.

Александр улыбнулся:

– Ты веришь в приметы?

– Представь себе, да, число тринадцать для меня несчастливое.

– Так к чему мы пришли?

Белоусов вздохнул:

– К тому, с чего начали. Если «духи» решат распотрошить колонну, то шансы на это у них неплохие. А где они устроят засаду и как рассредоточатся, это знает один Абутияр. Но у него не спросишь. Так, что, думаю, нечего ломать головы: как выйдет, так выйдет.

Прапорщик поддержал командира мотострелкового взвода:

– Верно! Будем действовать по обстановке. Впервой, что ли, с «духами» сражаться? Провремся. А застрянем, «вертушки» помогут.

Поговорив еще немного, офицеры разошлись.

В 21.30 колонна была сформирована. Она выстроилась на площадке у контрольно-технического пункта. Впереди стояли «Урал» с двигателем для БТРа, ящиком ЗИПа, дополнительным запасом продовольствия, палатками и другим вещевым и специальным имуществом и оборудованием; за ними первый «ЗИЛ-131» с боеприпасами, далее БТР перегона, затем после разрыва, который должен был занять бронетранспортер охранения, второй «ЗИЛ» с боеприпасами, санитарный «УАЗ», две передвижные мастерские ремонтной роты, два топливозаправщика на базе «Уралов» и в замыкании МТО-АТ роты материального обеспечения. Два БТРа взвода охранения поутру должны были встать в авангард и арьергарде колонны. Машины были загружены, проверены, заправлены. Колонна могла начать марш в любое время. Предварительную задачу офицеры полка выполнили. Оставалось «всего ничего» – совершить марш из пункта «А» в пункт «В» длиной в сорок два километра. Расстояние ерундовое, но только не в Афганистане, не на войне, где опасность подстерегает на каждом метре этой сорокадвухкилометровой дистанции – за каждым валуном, за каждым кустом, в каждой балке, не говоря уже об ущелье.

В понедельник в 5.00, после инструктажа личного состава начальником штаба, передовой бронетранспортер взвода охранения Белоусова вышел за пределы территории полка. Колонна начала свой марш. Режим движения был установлен стандартный, скорость до пятидесяти километров в час, дистанция между машинами – 40 метров. Взвод охранения имел связь между бронетранспортерами и головным «Уралом» посредством радиостанций Р-123. Связь с полком и 2-м батальоном осуществлял старший колонны, Черников.

Первые восемнадцать километров по плато прошли без проблем за тридцать семь минут. В 5.37 перед спуском в ущелье старший лейтенант Белоусов остановил передовой бронетранспортер, что вызвало остановку всей колонны, сократившей дистанцию между машинами до 7.10 метров. Белоусов спрыгнул с брони БТР. К нему из «Урала» вышел Черников.

– И чего встал, Коля? – спросил Александр.

– Подумал, не мешает провести собственную разведку ущелья.

Черников кивнул:

- Лады, будь по-твоему. Сам пойдешь в ущелье?
- Да, возьму с собой сержанта-пулеметчика.
- Сколько тебе потребуется времени на разведку? – поинтересовался Александр.

Белоусов прикинул:

– Девять километров туда, девять обратно, это минут сорок, осмотр крепости – еще минут десять; в общем, около часа.

- Ладно, только держи со мной связь постоянно.

Старший лейтенант Черников объявил личному составу колонны привал. Два бронетранспортера взвода охранения отошли в стороны, заняв позиции фланговых дозоров, первое отделение отошло на тыловые позиции. Белоусов, запрыгнув на броню, отдал команду механику-водителю, и передовой БТР начал медленно спускаться в ущелье.

Это отметил человек, находившийся в кустах левого холма, откуда ему хорошо были видны и плато, и въезд в ущелье. Он включил портативную японскую радиостанцию:

- Сеид? Это Али!

Ему ответил хриплый голос:

- Да, Али?
- К ущелью подошла русская автоколонна.

Сеид Рахим, один из командиров отрядов Ахмада Абутияра, переспросил:

- Автоколонна?
- Да, Сеид.
- Шайтан! И что за колонна? Ее состав?
- Три грузовика с тентами, два бензовоза, три мастерских, санитарка, БТР без экипажа.

Охранение – три бронетранспортера. Два остались на плато, один пошел в ущелье.

- На разведку! Ясно. Продолжай наблюдение.

Разведчик душманов отключил связь и продолжил следить за тем, как советские солдаты устраиваются на привал.

Сеид же переключил радиостанцию, более мощную, чем у Али:

- Ахмад. Это Сеид.

Главарь банды, Ахмад Абутияр, находившийся с небольшой группой охраны в одном из горных кишлаков в десяти километрах от ущелья, ответил:

- Слушаю тебя, Сеид. Появились русские?
- Да, но не те, кого мы ждали.
- Подробней!

– Мы ожидали, что из полка на усиление батальона к Тахджави пойдет рота, а гяуры выслали автомобильную колонну. Сейчас она встала на въезде в ущелье, а к Куншеру отправился один бронетранспортер разведки неверных. Что будем делать? Пропускать колонну и ждать главную цель?

После непродолжительной паузы, Абутияр спросил:

- Что представляет собой колонна?

Сеид Рахим ответил.

– Значит, – проговорил Абутияр, – русские решили восстановить силы батальона, не высылая дополнительных подразделений. Плохо. Нам нужна полноценная рота.

- Может, после колонны русские вышлют к Тахджави и роту?

– Может, и вышлют, но мы не можем ждать. Если район успеют закольцевать до того, как мы, выполнив возложенную на нас миссию, отойдем на север, то прорывать блокаду будет очень сложно. А одна рота батальона уже начал поиск, наверняка имея задачу заблокировать северо-восточное направление. Вторая рота тоже вот-вот выйдет в горы, об этом сообщил наш наблюдатель за батальоном. И пойдет она на северо-запад. К тому же, если командование полка

решило восстановить боеспособность батальона на месте, то наверняка бросит на блокирование юго-восточного и юго-западного направления как минимум еще две роты другого батальона. Да, у нас нет времени ждать, тем более что и ждать-то, похоже, некого. Посему ограничимся уничтожением колонны. Это даст, конечно, не тот эффект, на который рассчитывал Раббани, посылая нас сюда, но все же хоть какой-то более-менее ощутимый результат мы получим. В конце концов, автоколонна тоже подразделение, и без того, что она тащит к Тахджави, батальон неверных не сможет применить свою третью роту. И бросит на чистку района дополнительные силы. В принципе, нам удастся потревожить русских, а это главное. Ты согласен со мной?

– Да, саиб. Полностью согласен. Минуту!

– Что такое?

– Из-за поворота вышел русский бронетранспортер. На броне либо сержант, либо офицер. Нет, сейчас через оптику вижу: офицер, старший лейтенант.

– Командир взвода охранения?

– Наверное. Значит, один начальник колонны, а второй, этот, что на БТР, командир подразделения охранения. В его подчинении три бронетранспортера, это взвод. Да, колонну охраняет взвод, и русские проводят разведку ущелья.

Абутияр проговорил:

– Не новички, видно, давно здесь. Страхуются там, где можно обойтись и без этого. Старший лейтенант не обнаружит позиций твоих бойцов?

– Нет. Они у крепости, но на склонах, а внимание русского офицера будет привлечено к Куншеру. Ведь оттуда удобнее всего накрыть колонну.

– У тебя в крепости никого нет?

– Никого.

– Хоп! Пропускай разведку и встречай колонну! И помни: ты должен сжечь ее до того, как подлетят проклятые «вертушки». Иначе твоим бойцам со склонов в соседнее ущелье не отойти. Вертолеты положат вас всех у Куншера.

– Это, если русские успеют вызвать помощь! А мы постараемся сделать так, чтобы они не успели.

– Не слишком ли ты самонадеян, Сеид?

Рахим спокойно ответил:

– Если мы готовились уничтожить здесь полноценную роту, то уж с колонной как-нибудь разберемся.

– Ну-ну! Ты опытный командир. Поэтому и послан на выполнение главной задачи. Но не расслабляйся. Русские умеют воевать. И кому, как не тебе, знать об этом?

– Я знаю и все помню, саиб. Они действительно умеют воевать. Так же, как умеют достойно умирать. А сегодня неверные будут умирать.

– Держи со мной постоянно связь. Отбой.

– Отбой, саиб. Не беспокойся, мы превратим эту колонну в груды оплавленного металла.

– Да поможет тебе всевышний!

Главарь банды отключил радиостанцию. Полевой командир Сеид Рахим передал на позиции засады приказ укрыться и пропустить бронетранспортер охранения советской колонны.

...Старший лейтенант Белоусов, держась за ствол крупнокалиберного пулемета, внимательно осматривал склоны и вершины ущелья, особенно участки, где склоны разрезали трещины, где нависали каменные террасы и рос кустарник. Но ничего подозрительно не замечал. Да и не мог заметить. Сотня Сеида Рахима расположилась за вершинами склона непосредственно у древней крепости, растянувшись на триста метров. Именно у Куншера душманы подготовили засаду. И подготовили ее тщательно, предусмотрев спуск штурмовых групп для охвата советского подразделения с востока и запада, чтобы лишить его возможности отойти,

одновременно блокируя и подходы подразделений со стороны полка и батальона. Абутияр планировал уничтожить в ущелье советскую мотострелковую роту, которую по замыслу руководства главаря банды русские должны были выслать на усиление атакованного батальона и дальнейшего использования в поисках и уничтожении противника, посмеявшегося нанести удар по крупным силам советских войск. Против батальонов душманы еще никогда не выступали – не хватало силенок, да и оснащения. И вот наконец решились, показывая, что они сумели создать банды, способные проводить крупномасштабные операции против советских войск.

Для чего это потребовалось руководителям движения сопротивления, осевшим в Пакистане, Абутияр не знал. Да и не хотел знать. Он, полевой командир, и его задача выполнять приказы. Тем более что с изменением тактики ведения боевых действий против советских войск значительно увеличивалось его личное денежное содержание. Он не был бедным человеком, но и богатым тоже. Теперь же все менялось – за полгода войны Абутияр мог сколотить приличное состояние, позволившее бы ему безбедно жить в любой стране мира. И это за полгода. А за год, два? Впрочем, Ахмад Абутияр слыл среди руководства движением сопротивления реалистом. Эти полгода надо было еще отвоевать. Надо было выжить, а уж потом думать о будущем. Но перспективы грели кровавому бандиту давно проданную дьяволу душу.

Бронетранспортер передового дозора подошел к полуразрушенной крепости Куншер. Белоусов уже видел подобные древние укрепления афганцев и не понимал, почему их сооружали в ущельях, у подножий перевалов, а не на равнинах, возвышенностях или, скажем, на плато. Но, видимо, предки нынешних пуштунов имели на это основания. Да и строить крепости в ущельях было проще. Обвалил скалу или утес – вот тебе и строительный материал. Но скорее всего, эти крепости возводились в ущельях потому, что именно по ним раньше проходили пути от селения к селению. И вода опять-таки рядом, не надо копать глубоких колодцев. В редком ущелье не протекал хотя бы ручей. На склонах же имелаась растительность, что позволяло держать скот. Впрочем, сейчас это совершенно не важно. Сейчас надо думать о другом.

Командир взвода охранения приказал механику-водителю остановить бронетранспортер и обратился к сержанту-пулеметчику:

– Митяй, я пройду по крепости. Если что, прикрой огнем КПВТ. Если меня убьют, тут же сообщи об этом на плато старшему колонны и быстро уходи обратно, к своим.

– Да кто вас здесь убьет, товарищ старший лейтенант? В крепости никого не видать.

– Кто знает, – философски заметил Белоусов.

Николай прыгнул на каменистый грунт, подошел к участку, практически полностью сохранившегося каменного забора высотой чуть более метра. Здесь когда-то, наверное, проходила линия сторожевых постов. Для ведения обороны этот забор был непригоден, а вот для обозначения границы крепости и укрытий охранников или сторожей – бог знает, как они раньше назывались – подходил вполне. Из-за забора старший лейтенант осмотрел развалины крепости. Подумал: здесь, наверное, много змей. И не каких-то гадюк, тут водились гады посерьезней, кобры, гюрзы, щитомордники... Да и скорпионов должно быть полно. Белоусов терпеть не мог этих тварей. Николай не боялся их, знал: берцы ни змеи, ни тем более скорпион или каракурт не прокусят, – и все же относился к ним с опаской.

Размышляя о местной фауне, Белоусов не упускал из виду ни одной мелочи. Вот на полую крышу накренившегося остатка большого когда-то здания с вершины опустилась ворона. Повертела клювом, перелетела на куст у плиты глиняного дувала. Стала чего-то клевать. Птица ведет себя спокойно – значит, там, где она нашла корм, ни человека, ни зверя нет. Это хороший признак. Белоусов осмотрел развалины, не углубляясь в лабиринты крепости, чтобы оставаться в поле зрения пулеметчика БТР. Поднявшись на плоскую глиняную плиту, державшуюся на каменных остовах – видимо, крышу одного из зданий Куншера, – через бинокль осмотрел склоны. Ничего и никого не заметил. Вернулся к бронетранспортеру, запрыгнул на броню, приказав механику-водителю:

– Вперед, до выхода из ущелья, там развернешься и поедешь обратно.
Бронетранспортер так же медленно пошел на восток.

А Рахим, опустившись на дно канавы склона, прикрытого густым кустарником, включил радиостанцию.

– Ахмад? Сеид!

– Слушаю тебя! – ответил Абутияр.

– БТР русских останавливался у Куншера. Офицер ходил в крепость, осматривал развалины, склоны. Потом БТР продолжил движение на восток. Думаю, скоро он проследует назад и в ущелье втянется колонна неверных.

– Ты готов встретить помощь от Даулака или Тахджави? – спросил Абутияр.

– Готов!

– Хоп! Жду доклада об уничтожении колонны русских и отхода твоего отряда на север, в Бешри.

– Я все понял! До связи, саиб!

Бронетранспортер взвода охраны прошел пять километров до выхода из ущелья на дорогу, ведущую к позициям батальона и кишлаку Тахджави. Выбрав место, механик-водитель развернул боевую машину и повел ее обратно в западном направлении. Белоусов так же внимательно, как и прежде, осматривал склоны и вершины ущелья. Нигде ничего подозрительно. В 6.53 бронетранспортер вышел к колонне. Черников тут же приказал бойцам занять места в машинах, сам подошел к спрыгнувшему с брони Белоусову и спросил:

– Ну что в ущелье, Коля?

– Похоже, там никого нет и в крепости тоже, – ответил командир взвода боевого охранения.

В этот момент к старшему колонны подбежал связист и обратился:

– Товарищ старший лейтенант, вас начальник штаба полка вызывает!

– Ну, потеряли нас! – сказал Белоусову Александр. – Ты погоди, я сейчас.

Командир роты материального обеспечения прошел к головному «Уралу», в кабине которого была установлена радиостанция:

– 322! Я – Скат!

– 322 на связи! Где находитесь, Скат? Почему до сих пор не вошли в зону ответственности Рубежа-2?

– Потому, что мной было принято решение провести разведку ущелья.

– Провел?

– Так точно, Заслон осмотрел потенциально опасный участок маршрута. Все чисто.

– Ты уже продолжил движение?

– Пока нет. Начало прохождения второго этапа определено на 7.05 с выходом в зону ответственности Рубежа-2 в 7.30.

– Как только войдешь в обозначенную зону, немедленно доложи в штаб!

– Вам?

– Мне или Первому.

– Принял!

Александр отключил станцию, вернулся к Белоусову. – Беспокоится полковник? – спросил тот.

– Начштаба вызывал. Говорил же, потеряли нас в полку. Доложил, что начинаем второй этап марша в 7.05 с выходом в зону ответственности батальона Скоробрехина в 7.30.

– Раньше выйдем, если марш пройдет без сюрпризов.

– Ты же сказал, в ущелье «чисто»?

– Но не говорил, что нет сюрпризов. Как пойдем?

– Колонной! – принял решение Черников. – Разрывать ее и запускать технику по частям не вижу необходимости.

– Согласен! Только вот что, Саня, у Куншера я увеличу скорость и оторвусь от колонны. Подстрахуемся.

– Может всей колонне увеличить скорость?

– Можно и так.

– Давай поступим следующим образом. До крепости идем 30 километров в час, далее ускоряемся до 50 километров, а затем, пройдя Куншер, вновь сбрасываем скорость до 30 километров в час. Если считаешь нужным, отрывайся от колонны, но недалеко.

– Я понял тебя.

– Загоняй БТРы на прежние места, сажай на свою броню отделение и, – Черников посмотрел на часы, – через три минуты начинаем спуск в ущелье!

– Есть, командир! Выполняю!

В 7.05 колонна втянулась в ущелье, и тут же наблюдатель Сеида Рахима вызвал по рации главаря:

– Сеид! Русские, собрав колонну, начали спуск в ущелье.

– Они идут единым подразделением?

– Да! Скорость примерно километров 30—40 в час, дистанция между машинами метров 20—30.

– Хорошо! Продолжай находиться на своей позиции до команды на отход.

– Понял.

Рахим вызвал командиров групп:

– Всем переместиться ближе к крепости. Группам Алима и Халима остаться на месте в готовности спуститься в ущелье. И двигаться быстрее. Колонна подойдет к Куншеру минут через пять. Обстрел по моей команде.

Душманы, выполняя приказ, быстро рассредоточились на вершинах, растянувшись на двести метров напротив и над крепостью. По три гранатометчика с каждой вершины привели в готовность свои «РГД-7».

Колонна прошла два километра, и неожиданно «ЗИЛ-131» с боеприпасами остановился. Встала и вся колонна. Бойцы взвода охраны спрыгнули с бронетранспортеров, заняв позиции обороны, бронетранспортеры развернули башни с пулеметами в сторону склонов. Черников вышел из «Урала», подошел к водителю «ЗИЛа»:

– Что случилось?

Солдат смахнул пот с лица:

– А черт его знает! Заглох движок! До этого как часы работал...

– Твою мать, Шадрин, сколько у тебя было в полку времени, чтобы проверить машину?

– Все было нормально, товарищ старший лейтенант, да я сейчас посмотрю – может, провод трамблера соскочил.

– Смотри. Чего стоишь?

Водитель, захватив инструментальную сумку, запрыгнул на бампер, поднял крышку капота. Нагнулся над двигателем. Черников стоял рядом. К нему подошел Белоусов:

– Что тут у тебя, Саня?

– Да вот, заглох...

Подбежали бойцы отделения мастерской технического обслуживания и ремонта роты. Подошел и прапорщик Зайцев.

– Что случилось, командир?

– Сам посмотри, Илья!

Командир взвода роты материального обеспечения, фактически исполнявший обязанности техника роты, отстранил бойцов:

– А ну-ка, дайте я взгляну.

И поднялся на бампер машины.

Белоусов отвел в сторону Черникова:

– А нам на руку эта остановка. Вовремя сломался твой «ЗИЛ».

– Почему?

– Потому что будь в ущелье «духи», они не упустили бы такой шанс напасть на колонну.

– Да нет тут никого, а вот остановка нам еще боком выйдет. За поломку на марше командир так вздрючит, что мало не покажется.

– В первый раз, что ли? Да и плевать на его выговоры. Главное живыми да здоровыми на базу вернуться, дожидаться замены и свалить из этого гребаного Афгана.

– Ты говоришь так, словно тебя в Союзе жена ждет. Ты ж холостой, Коль?

– Ну и что? По-твоему, одни женатые должны домой стремиться, а холостякам там и делать нечего?

– Нет, конечно, извини, но холостым обычно как-то все равно, когда их заменят.

– Ну нет, в этом ты неправ. Все одинаково хотят вернуться. А насчет невесты? Я никому раньше не говорил, тебе сейчас скажу. Ждет меня девочка одна. Иришка. Она младше меня на шесть лет, ей сейчас девятнадцать. Представляешь, в одном доме росли, в одном дворе гуляли, даже в одной школе учились, а я ее не знал. Но это понятно – если я был в десятом классе, то она в четвертом. Соплячка. Потому и не замечал. А зимой в отпуске как-то пошел в магазин. Там и встретились. Ну и встречались несколько раз, потом переписывались мы с ней и вот решили пожениться. Как заменюсь, сразу свадьбу сыграем.

Разговор офицеров прервал прапорщик Зайцев:

– Командир, придется еще минут двадцать стоять. Переливает карбюратор. Или иглу заело, или поплавков оборвался. Придется карбюратор менять.

– Меняйте, – согласился Черников. – Только, Илья, постарайся заменить как можно быстрее.

Подошел один из командиров отделений взвода Белоусова.

– Товарищ лейтенант, – доложил взводному сержант, – ребята первого отделения на правой вершине дальше стоянки метров на сто засекали какое-то движение.

– Интересно! А ну-ка, Олышанский, передай сержанту Гогидзе, чтобы выслал туда пару ребят. Понятно, что если кто-то и был наверху, то уже ушел, пусть следы поищут. – Действуй!

– Есть.

– Выполняй! Да передай Гоге, чтобы задачу отработал быстро, а бойцы пусть, проверив вершину, спускаются в ущелье – там, где закончат поиск. И еще: все отделение Гогидзе нацелить на правый склон, в случае чего прикрыть отход разведчиков.

Сержант Олышанский ушел.

– Что бы это могло быть? – спросил Черников.

– Не знаю! Но узнаем.

– Если «духи»?

– «Духи» не засветились бы. А скорее, уже обстреляли бы нас.

– А если они находятся дальше?

– Тогда тем более, чего им отходить, если наоборот надо сюда двигать? Думаю, это зверь какой-нибудь. Или ребятам померещилось. Погляди на вершины. Они словно плывут. А если долго на них пялиться, то не только движение заметишь, а камни за «духов» примешь. Скоро проясним обстановку. У Гогидзе ребята опытные, следы найдут обязательно – если они будут, эти следы.

Вскоре прапорщик Зайцев доложил, что «ЗИЛ» приведен в исправность, а разведчики с вершины правого склона передали сигнал о том, что никаких следов не обнаружили и пошли на спуск к ущелью.

В 7.32 колонна продолжила движение, медленно, но верно она приближалась к древней крепости Куншер, к месту душманской засады.

В данной ситуации нервничал не только начальник штаба мотострелкового полка, но и главарь банды Ахмад Абутияр. В 7.20 он вызвал Рахима:

– Сеид! Почему до сих пор ты не доложил об уничтожении колонны русских?

Рахим ответил:

– Потому что неверные вдруг остановились в 2-х километрах от крепости, а мы уже отвели оттуда людей.

– Но почему русские встали? Заподозрили неладное?

– Нет, я выслал туда разведчика, и он доложил, что у русских сломалась грузовая машина.

– Шайтан! Вот бы в это время атаковать их...

– Я не успею перебросить людей туда, где встали русские.

– Понимаю! Но эта остановка в дальнейшем сыграет нам на руку. Русские будут до конца уверены, что в ущелье их не ждет опасность, ведь в ином случае они немедленно подверглись бы нападению, как только остановили колонну. Значит, у крепости неверные тоже не будут ждать нападения.

– Да, саиб! Но извини... Только что выходил на связь разведчик, русские продолжили движение.

– Это хорошо, Сеид! Теперь они в твоих руках.

– На все воля Аллаха!

– Ты прав, на все воля Аллаха. И он не оставит нас в войне против неверных, пришедших на нашу землю устанавливать свои порядки.

Абутияр выключил радиостанцию. Сеид Рахим приказал всем своим подчиненным приготовиться к массированному обстрелу советской военной колонны.

Глава третья

Автомобильная колонна N-ского мотострелкового полка со взводом охраны полностью вошла в сектор обстрела отряда душманов под командованием Сеида Рахима, имевшего в своем подчинении четыре группы общей численностью 102 бандита. Советское же подразделение насчитывало 54 человека. Душманы имели двукратный перевес в живой силе, и на их стороне играл фактор неожиданности нападения из засады.

Как только Рахим убедился, что противник находится в зоне действия его душманов, он тут же по портативной радиации отдал приказ:

– Внимание! По колонне неверных – массированный огонь!

Первыми ударили гранатометчики. Шесть выстрелов «РПГ-7» молниями метнулись к машинам. Практически одновременно рванули наливники, два топливомаслозаправщика; за ними разрывы кумулятивных гранат вызвали подрыв трех бронетранспортеров второго и третьего отделений взвода охраны, а также БТРа, перегонявшегося в батальон майора Скоробрехина. Шестая граната предназначалась головному бронетранспортеру. Но опытный механик-водитель, услышав взрывы, резко нажал на педаль тормоза, и кумулятивный заряд, пройдя перед боевой машиной, взорвался на северном холме. Следом за гранатометами со склонов ударили пулеметы, автоматы, винтовки.

Внезапное нападение, по замыслу душманов, должно было лишить и командование, и рядовой личный состав способности к сопротивлению. Однако этого не произошло. Не раз попадавшие в подобные переделки бойцы советского подразделения мгновенно сориентировались в резко и кардинально изменившейся обстановке. Водители и старшие машин, а также бойцы взвода охраны, до подрыва БТРов находившиеся на броне, а не в десантных отсеках, подхватив раненых и контуженных, прыгнули на грунт и под прикрытием техники открыли ответный огонь. И сделали это машинально, без какой-либо команды. Черников, залегший за передним правым колесом «Урала», дав по склону очередь, обернулся. Сзади по северному склону короткими очередями, экономя патроны, бил водитель и связист сержант Исаев. Радиостанция лежала рядом с ним. Старший лейтенант удивился: и когда сержант успел схватить станцию? Ведь выпрыгнули из кабины почти одновременно. Но станция находилась рядом; оставался вопрос, в рабочем ли она состоянии? И спросить об этом сержанта старший лейтенант не мог. Надо было разобраться в обстановке. Судя по взрывам, душманам, применившим переносные гранатометы, первым же залпом удалось уничтожить половину колонны. Успели ли покинуть машины бойцы? Вряд ли, если граната попала в наливники или кабины грузовиков.

Выглянув из-за колеса, Черников увидел на южной вершине поднявшегося во весь рост душмана с «РПГ-7» на плече. Еще секунда – и «дух» пустит еще один заряд. И уничтожит еще одну цель. Уж не «Урал» ли, под которым укрылся он с Исаевым? Но выстрелить душман не успел. Сзади Черникова раздался хлесткий выстрел, и вражеский гранатометчик завалялся на спине. Сзади слева прогрехотал крупнокалиберный пулемет. Александр обернулся. Единственный, оставшийся неповрежденным первый бронетранспортер взвода охраны, задрал КПВТ, открыл огонь по южному склону. Но справа раздался очередной взрыв. Был подорван «ЗИЛ-131» с боеприпасами. Черный дым поднялся над ущельем. Это вызвало короткую паузу в бое.

К Черникову подкатился Белоусов. Увидев командира взвода, Александр воскликнул:

– Жив, бродяга?

– Живой пока, Саня! Рад, что и ты уцелел. Зажали все ж таки нас духи. Черт бы их побрал! Да и меня, дурака тоже – не заметил признаков засады. А ведь я бродил по остаткам крепости...

– Как тебе удалось выжить? Как уцелел твой головной БТР?
– Водитель вовремя тормознул.
– Сколько машин сожгли «духи», не знаешь?
– Половину точно, и три БТРа в придачу. Но это теперь не важно. Видимо, «духов» здесь собралось немало и они провели массированный обстрел колонны перед тем, как начать штурм со склонов. У тебя радиостанция цела?

– Да вроде, вон рядом с Исаевым лежит, а что?
– Надо помощь вызывать, Саня – потеря у нас много, – да и уводить личный состав в крепость. Пока есть такая возможность. Моя бортовая радиостанция заглохла.

– Думаешь, «духи» не ограничатся расстрелом колонны?
– Думаю, нет. Ты давай, связывайся с полком или с батальоном, я же прошвырнусь вдоль колонны, вернее, вдоль того, что от нее осталось, заташу ребят в крепость. Запомни: твоих отправлю ближе к северному склону, с него и будешь отбивать атаки душманов; своих рассредоточу на южной окраине, прикрою южное и фланговое направления.

– Сколько у нас осталось солдат? – спросил Черников.

Белоусов сплюнул в пыль:

– Хрен его знает. Но человек двадцать должно было уцелеть.

– Увидишь Зайцева, пусть с отделением техобслуживания раненых в крепость тащит.

– Угу! Давай, работай по связи, я пошел. Скоро «духи» пойдут в атаку.

Белоусов рванулся к дымящимся, оплавленным остаткам «ЗИЛ-131». Черников крикнул Исаеву:

– Сержант? Радиостанция не повреждена?

– Никак нет!

– Давай, замени меня!

Сержант переполз к позиции старшего лейтенанта. Черников перекатился к радиостанции, включил ее:

– «322-й»! «322-й»! Я – Скат!

Начальник штаба ответил тут же:

– Я – 322-й! Что за канонада у вас там в ущелье?

– Докладываю. В 7.45 колонна подверглась нападению неизвестных сил противника. Выстрелами гранатометов сожжена часть машин – большая, скорей всего, часть, и личный состав роты, и взвод охранения понесли серьезные потери. Сейчас «духи» ведут по нам огонь из стрелкового оружия. Мы с «Заслоном» приняли решение увести солдат в крепость, нужна поддержка.

– Черт бы побрал этого Абутияра! – выругался начальник штаба полка и приказал: – Уточни потери!

Александр ответил:

– Не могу! Знаю, что сожжены два БТРа взвода охранения, третий уцелел и ведет огонь из «КПВТ» по южному склону; подорван и бронетранспортер перегона. Уничтожен «ЗИЛ-131» с боеприпасами. Что с другой техникой, сказать пока не могу, но думаю, что сожжены и топливозаправщики. По личному составу тоже ничего точно не известно, но потери наверняка серьезные.

Справа раздался еще мощный взрыв.

– Черт! Похоже, еще одну машину «духи» подорвали. Шлите помощь! Нас атаквала крупная банда. В сложившейся ситуации мы долго не продержимся. «Духи» бьют и с севера, и с юга.

– Помощь вышлю. Что делает Заслон-1?

– Отводит людей в крепость. Будем организовывать там оборону.

– Я понял! Сейчас же связываюсь с Хашкарским авиаполком, минут через двадцать к вам подойдут «вертушки». Из полка направляю роту третьего батальона. Им тоже потребуется минут двадцать, чтобы дойти до вас, но действовать рота сможет только после отработки задачи летунами. Как понял меня, Скат?

– Я все понял! Предупредите летчиков, что у «духов» вполне могут быть переносные зенитно-ракетные комплексы.

– Передам! Держитесь, помощь подойдет!.. Станцию, Скат, береги, «коробке» и «крокодилам» необходимо будет уточнить обстановку перед тем, как вступить в бой!

– Принял.

– Держитесь, старлей!

– А у меня другого выхода просто нет...

Старшему лейтенанту Белоусову не пришлось отводить личный состав в крепость. Бойцы, выскочившие из машин и сброшенные с подбитых бронетранспортеров, сами, открыв огонь, отошли за укрытия крепости. Командир взвода охраны увидел на дороге только прапорщика Зайцева, выводившего отделение техобслуживания из МТО-АТ. Прыгнув в канаву, в которой залегли технари, Белоусов спросил Зайцева:

– Не ранен?

– Нет! Черт, откуда появились «духи»? Ведь ты же провел разведку этого ущелья.

– Не знаю, Илья! Значит, эти горные козлы ждали нас за вершинами.

– Ждали? Значит, они знали, что здесь пойдет колонна, – сделал вывод прапорщик.

Слева раздался взрыв. Белоусов выглянул из канавы и тут же отпрянул назад. В десяти сантиметрах от него, вздымая грунт, поднялись фонтанчики мелкого камня и пыли от автоматной очереди.

– Вот суки! Засекли нас.

– Что рвануло? – спросил Зайцев.

– Летучка ремроты! Не знаешь, бойцы в ней успели уйти в крепость?

– Да, вроде, успели. И сколько осталось неподбитых машин?

– Еще одна мастерская, санитарный «УАЗ», «Урал» и «ЗИЛ-131», да мой головной БТР!

– Слышу, еще стреляют из «КПВТ». Но козлы горные все сожгут, не пройдет и пяти минут. Интересно, как они нас в яме засекли, ведь склоны затянуты дымом?

– Хрен их знает! Черников передал приказ вместе с бойцами МТО-АТ организовать эвакуацию раненых в крепость, но я что-то никого из раненых, пока перемещался вдоль останков колонны, не видел.

– Их ребята с машин и мотострелки вынесли. А сколько вместе с техникой сгорело пацанов?

– Что сейчас об этом говорить? Сейчас отбиваться надо. Давайте, рвите в крепость, я прикрою. Потом вы прикроете меня.

Слева раздался еще один взрыв, и крупнокалиберный пулемет замолчал. Белоусов в сердцах ударил кулаком по камню, в кровь разбивая пальцы:

– Черт! Последний БТР сожгли! И еще двух ребят! У-у-у! Надо было все здесь прошерстить до того, как колонну высылать – ан нет, давайте, вперед, в ущелье противника быть не может...

Прапорщик положил руку на плечо офицера:

– Успокойся, Коль! Ничего уже не изменишь. А то, что ребята погибли... Так без смерти войны не бывает. Мы отходим!

Старший лейтенант взял себя в руки:

– Да. Давайте, но не кучей, а то постреляют вас духи как кроликов.

Бойцы отделения технического обслуживания во главе с прапорщиком Зайцевым бросились к ближайшей сохранившейся части дувала. Не всем удалось добежать до укрытия; вскрикнув, упал на полпути один из солдат. Зайцев метнулся было к нему, но Белоусов крикнул:

– Назад! За дувал! Оттуда огонь по склону. Я вытащу парня.

Прапорщик перемахнул через глиняный забор, и вскоре оттуда по южному склону ударили три автомата. Старший лейтенант посмотрел на лежащего метрах в пятидесяти от канавы раненного в ногу бойца. Тот корчился от боли. Расстрелять солдата с вершины или склона не составляло никакого труда, но «духи» не стреляли. Это объяснялось просто: они знали, что советские военнослужащие не бросали в бою ни погибших, ни тем более раненых. И ждали, когда на помощь подстреленному солдату выйдут его товарищи, чтобы сразу убить нескольких человек. Паскудная практика паскудной войны.

Белоусов увидел метрах в трех от солдата еще одну канаву. Не такую глубокую, в которой он находился в данный момент, но вполне пригодную для укрытия двух человек. Командир взвода крикнул раненому:

– Боец!

Тот взглянул на офицера глазами, полными боли и отчаяния. Белоусов достал боевую аптечку, показал раненому:

– Видишь эту штукину?

Солдат кивнул.

– У тебя есть такая аптечка?

И вновь в ответ кивок.

– Достань ее, открой, извлеки шприц-тюбик с промедолом, вколи в ногу! Боль отступит. Соберись, я выскочу, подхватчу тебя, и перепрыгнем в соседнюю канаву ближе к крепости. Ты понял меня?

Солдат, морщась от боли, вновь кивнул.

Прапорщик слышал слова офицера. Он крикнул:

– Ты погоди, старлей, у меня есть дымовой заряд. Дым прикроет ваш бросок.

Белоусов ответил:

– И отрежет нас от «духов». А те как раз и подойдут с вершины. Нет, ничего пока не применяй! По сигналу прикрой нас.

– Понял!

Белоусов оглянулся на южный склон. Душманы перевели огонь на восточный фланг крепости, откуда по ним велся наиболее интенсивный и эффективный огонь. Старший лейтенант узнал почерк своих подчиненных. Они стреляли плотно и выборочно, стараясь каждым выстрелом поражать цель. И это получалось у них неплохо, что следовало из того, что по склону вниз скатились пятеро подстреленных «духов» и был сбит с вершины еще один гранатометчик. Не исключено, что за раненым солдатом следил какой-нибудь абориген, но медлить больше было нельзя. Белоусов махнул рукой Зайцеву и тут же, выпрыгнув из канавы, бросился к раненому. Странно, но по нему никто не выстрелил. Подхватив бойца, успевшего обезболить подстреленную ногу, старлей втащил его в соседнюю канаву. И вновь «духи» по ним не стреляли. Что это могло означать? Но, раз не стреляли, можно добраться до крепости. Взвалив на себя солдата, Белоусов потащил его к дувалу. И только после того, как он перебросил за забор раненого и сам перевалился через глиняный дувал, верхом прошла очередь душманов. Опомнились, гады. Протерев лицо, старший лейтенант повернулся к прапорщику:

– Оставайся здесь, прикрывай юго-западное направление. «Духи» обязательно пойдут на штурм крепости, и вполне могут зайти нам во фланг с запада, со стороны Даулака. Твоя задача не допустить сближение противника с крепостью до расстояния не менее 100 метров. Иначе «вертушки», которых наверняка уже вызвал твой командир, ничем не смогут нам помочь.

– Я знаю, Коль, – ответил прапорщик. – Вот только сил у меня маловато. Да и патронов тоже.

– Жаль, но я тебе ничем не могу помочь. Конечно, при подрыве грузовика с боеприпасами из кузова могло выбросить пару ящиков, но что-то я их не вижу. Осмотрись, может, найдешь. Но позицию в любом случае держать до конца. Если Черников вызвал помощь, то подойдет она быстро, минут через десять. Вот и держись, Илья. Я к Черникову, – надо оставшихся невредимыми или легко раненных бойцов выставить на позиции.

– Работай, Коля, за этот фланг не волнуйся. Здесь «духи» не пройдут!

– Твои бы слова, да... ладно, ушел.

Прикрываясь дувалами, валунами, развалинами, Белоусов прошел метров шесть и наткнулся на первую позицию одного из своих подчиненных:

– Шалаев, ты?

– Так точно!

– Кто тебя сюда выставил?

– Сержант Волченко.

– Так он жив?

– Живой, слева, за плитой окопался.

Отвечая на вопросы командира взвода, рядовой Шалаев, боец 3-го отделения, не забывал стрелять по склону. И бил он одиночными выстрелами.

– Сколько человек у вас погибло?

– Трое, одного, Армена ранило в грудь. Его вглубь крепости санинструктор из «УАЗа» оттащил. Черт! Да сколько их тут?

Шалаев перевел планку «АКСа» на режим автоматического огня и дал две короткие очереди по склону. Через грохот стрельбы донесся чей-то вой. Рядовой воскликнул:

– Вот так! Подыхай теперь, козлина бородатая. И ты, падла!

Он дал еще одну короткую очередь.

– Есть! Получайте, суки, за пацанов!

Белоусов похлопал подчиненного по плечу:

– Ты в раж не входи, сдерживай себя. Главное – не подпустить «духов» к крепости. А они, судя по тому, что вышли на склоны, решили провести штурм!

– На хрена он им?

– А чтобы, Юра, «вертушки» не смогли их обработать. Летчики не станут открывать по ним огонь с риском задеть своих. Вот «духам» и надо либо покончить с нами до подхода «крокодилов», что теперь им вряд ли удастся, либо войти в плотный контакт, чтобы лишить авиацию возможности действовать.

– Понял!

На дувале слева от Шаталина вдруг вздыбились фонтанчики пыли. Солдат и офицер машинально залегли.

– А это откуда стрельнули? – взглянул на офицера рядовой.

– С северного склона, Юра. Там тоже «духи».

– Но тогда они перебьют нас!

– Не перебьют. Смотри, справа от меня валун, за ним в дувале пробоина, смещайся туда. Там дувал прикроет тебя и от «духов» северного склона. А на счет них мы сейчас что-нибудь придумаем.

Белоусов, прыгнув через плиту, упал рядом с сержантом Волченком, который от неожиданности чуть не выстрелил в своего командира:

– Еш твою... извините, командир, но вы...

– Все нормально, Гена! Так, с тыла ты прикрыт, позицию выбрал удачно. Кто левее тебя?

– Мамедов из второго отделения!

– А где твои ребята?

– Они дальше. Так получилось, что Мамед залег рядом. Не отсылать же его к Ольшанскому.

– Он тоже жив?

– По крайней мере, минут пять назад был живой. Орал на своих, чтобы патроны берегли. А «духи» начали спуск по склону... Смотрите, товарищ старший лейтенант!

Белоусов взглянул на южный склон. Душманы действительно рассыпавшись по склону, и, ведя слепой огонь по крепости, спускались в ущелье. Старший лейтенант проговорил:

– Ну вот и начался штурм! И «вертушек» все еще нет...

Кто-то слева крикнул:

– Братва, «духи» с тыла!

Командир 2-го отделения взглянул на взводного:

– Это Мамед кричал.

Белоусов выглянул из-за обломка стены на северный склон, у подножия которого и стояла древняя крепость. Здесь склон был круче и спуск грозил срывом в ущелья, прямо на развалины Куншера, но с него открывался прекрасный вид на развалины, а значит и на позиции бойцов разбитой колонны. Этим и воспользовались душманы, открыв огонь по крепости, выбивая советских солдат и одновременно отвлекая их от соплеменников, наступавших с юга.

Белоусов ударил ладонью по каменной плите:

– Черт! Где Черников со своими водилами? Это его направление.

И тут же из глубины крепости, словно услышав боевого товарища, раздался голос командира роты материального обеспечения:

– По северному склону, выборочный, огонь!

Следом ударили автоматы автомобилистов. Вниз свалились пять или шесть трупов душманов.

Белоусов улыбнулся:

– Вот это другое дело! – Повернулся к Ольшанскому: – Держи фронт. Тыл прикрывают ребята Черникова. Я к нему. И смотри, Гена, без команды ни шагу назад! Это смерть!

– Я понял, командир! Вы Мамеда успокойте!

– Успокою! Держись, Гена, держись, дорогой, наши вот-вот подойдут!

Белоусов под огнем душманов со склона прошел все позиции оставшихся в живых бойцов своего взвода – а таковых из двадцати пяти осталось двенадцать человек. Как выяснилось, взвод охранения в первые минуты боя потерял тринадцать бойцов, из них восемь убитыми, пятеро получили ранения разной степени тяжести и не могли продолжать бой. Но и двенадцать мотострелков пока сдерживали натиск банды. Впрочем она только спускалась по склону, и основное сражение было еще впереди. Подбитая и горящая техника – а на данный момент душманы уничтожили все машины – создавала для бандитов препятствие для прямого штурма. Но только до момента выхода крупных сил к горящей колонне.

Пройдя препятствие, душманы оказывались в каких-то пятнадцати-двадцати метрах от позиций теряющих силы и боеприпасы бойцов взвода охранения. Поэтому сейчас было необходимо уничтожить как можно больше душманов на склоне, пока они не вышли в ущелье. Это понимал и старший лейтенант Белоусов, и его сражавшиеся с противником подчиненные. А также и командовавший бандой южного склона Юсуп, и сам Рахим, отправивший группы по двадцать человек на восток и запад для выхода во фланги обороняющейся крепости. И об этих силах офицеры колонны не имели ни малейшего представления. Правда для того, чтобы провести штурм позиций советских военнослужащих, им было необходимо еще сблизиться с позициями и успеть сделать это до подхода поддерживающих сил русских. На сближение требовалось время, и его у душманов оставалось все меньше. А советские солдаты несмотря на потери, отчаянно отбивались, и никто не допускал даже мысли о том, чтобы сдаться на

милость врага. Подразделение полностью вступило в бой, и уничтожить его, даже превосходящим силам любого противника, было чрезвычайно трудно. Впрочем, уничтожить бойцов «духи» могли, а вот победить – нет!

Гранатометная атака, успешно проведенная душманами, вызвала восторг у принявшего приличную дозу наркотика Рахима. Главарь банды уже не мог обходиться без героина и выходил в рейды, только имея при себе запас наркотика, спирта, шприцев. Отсюда и неестественный восторг. Когда рванули наливники и БТРы, Рахим поднял руки и голову к небу:

– Ты с нами, Всевышний, и ты видишь, как мы воюем с неверными!

Радость Рахима поутихла, когда помощник сообщил ему, что подорвать головной бронетранспортер не удалось, и тот, войдя в крепость, открыл огонь по южному склону, что сыграло немалую роль в том, что русские, подобрав раненых, успели отойти в крепость. Как у любого наркомана, настроение главаря банды резко изменилось. Он вызвал командира отряда южного направления:

– В чем дело, Юсуп! Твои гранатометчики ослепли? Почему не подожгли головной бронетранспортер?!

– Не удалось. Он резко и внезапно остановился, граната прошла перед броней. Но БТРу недолго стрелять!

– Ты должен его немедленно уничтожить, слышишь меня, немедленно!

Не желая далее разговаривать с одурманенным полевым командиром, Юсуп отключил станцию. Его гранатометчики провели второй залп. Точнее, два выстрела. Одного стрелка сбил русский снайпер, но грузовик с боеприпасами и летучка были подорваны. С противоположного склона гранатометчик достал и бронетранспортер. Искореженные машины колонны дымились. Русские офицеры наверняка уже вызвали авиацию. Надо было атаковать крепость. И Юсуп, отправив группу Халима на обход крепости с запада, приказал оставшимся тридцати подчиненным начать спуск к крепости.

Русские огрызнулись слабым, но эффективным огнем, и это явилось неприятным сюрпризом. Казалось, после гранатометной атаки, неверные должны были быть деморализованы, но этого не произошло. Русские организованно отошли в крепость, причем унеся с собой тела раненых и убитых, и заняли оборону. Юсуп видел, как падали его подчиненные, подстреленные из крепости. Видел он и выход групп Алима для обхода крепости с востока.

Гранатометчики, потратив все выстрелы, сожгли машины колонны, но теперь эти остатки, с одной стороны, являлись препятствием для прямого штурма. Но с другой, они создавали искусственный барьер, который не позволил обороняющимся вести огонь по душманам в ущелье. Поэтому Юсуп торопил своих абреков. И они, вслепую стреляя по крепости, спускались. И чем ближе они подходили ко дну ущелья, тем меньше их оставалось. Было заметно, что и русские испытывают проблемы с боеприпасами. Большинство из них перешло на ведение одиночного огня. И били эти проклятые русские метко. Рахим сумел взять себя в руки и приказал наконец начать атаку крепости с севера. Однако русские уже подготовились к ее отражению. Первым же залпом они сбили шесть боевиков Рахима.

Стало ясно, что напрямую сверху крепость не атаковать. Только по краям периметра, оттуда, где спуски были менее крутые. И бойцы Рахима пошли по этим склонам. Оборонявшиеся открыли по ним огонь, но основной отряд Рахима продолжал спуск. Он тоже нес потери, но не такие значительные, как отряд Юсупа. Когда полевой командир под прикрытием телохранителя спустился в ущелье, то увидел всего 14 бойцов. Половина его штурмовой группы была выведена из строя. 9 душманов погибли, пятеро ранены, все тяжело. Понимая, что с ранеными из ущелья не уйти, Юсуп лично пристрелил каждого из них. Оставшимся душманам он приказал выйти к дымящимся останкам расстрелянной техники, рассредоточиться и пригото-

виться к решающему штурму, вместе с группами Халима, Алима и отряда Рахима, оставшегося наблюдать за ходом боя с вершины северного склона Куншерского ущелья.

Старший лейтенант Белоусов, пройдя метров тридцать вглубь крепости, увидел спускавшуюся восточнее группу душманов из десяти бандитов. Он дал по ней очередь. Один душман покатился по склону, остальные залегли. Белоусов крикнул:

– Черников!

Старший разгромленной колонны ответил из-за соседнего валуна:

– Тут я!

Белоусов обошел валун:

– Ну, как ты?

– Пока держусь. Рассредоточил бойцов для обороны атаки с северного склона.

– А то, что тебя обходили с востока, не заметил?

– Заметил, но ты опередил.

– Почему твои бойцы не стреляли?

– Я же сказал, ты опередил – да и патронов у моих осталось по полмагазина, это в лучшем случае; я вот последний зарядил. Где ж помощь?

– Что говорит начальник штаба?

– Да не связывался я с ним после того, как доложил о нападении. Сейчас радист готовит станцию. Поговорим со штабом, если духи дадут. Но где же «вертушки»? Рота полка? Они уже должны были бы выйти в квадрат.

И в это время раздался рокот вертолетов.

– А вот и наши «полосатики»! Ну теперь веселее будет, – воскликнул Белоусов.

Четыре «Ми-24», разбившиеся на две двойки, прошли над ущельем и улетели на восток.

Исаев проговорил в рацию:

– Вас Гроза-01 вызывает!

Это был позывной командира вертолетного звена.

Черников ответил:

– Гроза-01, я – Скат!

– Прошли над ущельем. Район крепости сильно задымлен. На вершинах противника не обнаружили. Вести огонь не имеем никакой возможности.

Александр не выдержал:

– Так какого черта тогда прилетели? Валите к себе в Хашкар пиво жрать.

– Ты не ругайся, а лучше-ка обозначь себя. Мы обработаем тот участок ущелья, где вас нет.

– Обозначить-то я обозначу, двумя красными ракетами, но «духи» от наших позиций в каких-то двадцати метрах. По крайней мере, их передовые силы.

– Черт! Это плохо! Отвести людей на время обработки к северному склону можешь?

– Могу, но втащу за собой «духов».

– Понял! Тогда так. Сейчас я один пройду над ущельем и ударю по участку нахождения крепости из расчета удаления от нее на тридцать метров. Твои пусть укроются. Посмотрим, что это даст. Кстати, где-то в километре от тебя рота вашего полка, и идет она на предельно возможной скорости. Так что, не мы, рота поможет тебе, а мыотрежем банде пути отхода. Как понял, Скат?

– Понял тебя, Гроза!

– Ну, тогда до связи! Захожу на объект.

Черников передал Исаеву две ракетницы и приказал:

– Быстро к позициям взвода охранения, оттуда пустишь ракеты веером на восток и запад!

Мухой лети, сержант, а то нас свои же накроют реактивными снарядами.

Схватив ракетницы, Исаев бросился к переднему краю обороны. Вскоре вверх взмыли две красные ракеты. И буквально через минуту рокот подошедшего вертолета заглушили разрывы неуправляемых реактивных снарядов. Они легли прямо по останкам колонны, чуть раньше, чем к ним подошла группа Юсупа. Но двух боевиков осколки все же задели, распоров одному душману живот, второму снеся полчерепа. И этим вторым был сам Юсуп. Душманы залегли. Отойдя на запад, командир звена «Ми-24» вновь вызвал Черникова:

– Ну, как, Скат? Получен какой-либо результат?

– Конечно! Задымили местность еще больше. Ударил прямо по останкам машин колонны.

– «Духов» не видно?

– Да в этом дыму вообще ни хрена не видно! Но вот с передовых позиций сообщают, что, вроде, с юга никто не появляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.